

Владимир Мясоедов

Владимир Михайлович Мясоедов

Черный космос

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6605205

Владимир Мясоедов. Черный космос: фантастический роман: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-69408-2

Аннотация

Наш современник Игорь, смертельно раненный в перестрелке, поверил в грядущее исцеление и согласился на заморозку своего тела до лучших времен. Несколько столетий спустя его «саркофаг» был обнаружен. Врачи совершили чудо, и воскрешенный ими Игорь вступил в новый для себя мир. Откуда ему было знать, что после ядерной войны власть на Земле захватили мегакорпорации, которые превратили большинство населения в бесправную толпу рабов? Единственным местом, где человек мог обрести свободу и надежду на лучшее будущее, оставался Космос. Поэтому Игорь, не задумываясь, отправился в глубины Галактики, навстречу новым опасностям и приключениям.

А иначе для чего было возвращаться с того света?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	57
Глава 3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Владимир Мясоедов

Черный космос

Пролог

Я смотрел вверх и видел огромную черную бездну космоса. Пустота, не добрая и не злая, вечная, холодная и страшная. Конечно, кое-где ее разбавляли огоньки звезд, но их было мало, очень мало. Десятки, максимум сотни. Ничто, практически ноль по сравнению с безграничными просторами мрака. Хм, показалось или несколько из них как-то подозрительно мерцают? Нет, судя по тому, что одна из едва заметных глазу искорок на долю секунды вдруг резко увеличилась в объеме, а потом погасла, никаких галлюцинаций не было. Просто там, на орбите, сначала в кого-то постреляли, а потом и взорвали его. Интересно, обломки долетят до Земли? Помнится, недавно какие-то важные шишки на публичных выступлениях клялись, что добьются увеличения штрафов за падение искусственных метеоритов, приводящее к жертвам и разрушениям, как минимум на тридцать процентов. А за, скажем, прошедшую мимо цели ракету, выпущенную из звездолета и не сгоревшую в атмосфере, а чего-то разнесшую, вообще грозятся конфискацией торпедного аппарата. Врут, наверное, набирают дешевую популярность, только ни-

как не могу понять, зачем. Демократия, называемая также властью толпы, в наше время ничего не решает, а лиц, слишком уж активно выступающих за разные глупости типа прав и свобод, слуги закона могут и расстрелять. На демонстрации или на дому, это уж по желанию заказчика.

Чей-то флаер, грубо нарушающий правила полетного движения и не несущий на себе ни одного включенного габаритного огня, пронесся с оглушительным шумом мимо крыши дома, на которой я лежал. Пришедший за крылатой машиной поток ветра вмиг сдул с площадки всякий мусор и едва не отправил следом за ним и меня. Волна воздуха, ужавшегося до плотности прочной деревянной доски, словно дубиной, хорошенько приложила в бок, бросив вперед, к опасно близкому краю. Хорошо, что конструкцией тут предусмотрены прочные перила и удалось отделаться всего лишь синяками, а не лететь вниз с черт знает какой высоты. В противном случае имелись реальные шансы раскинуть своими мозгами метров на десять в диаметре, а отдельные их брызги могли бы и улететь еще дальше.

– Кретин, – злобно прошипел я в адрес водителя удаляющейся машины, тиская в руках приклад лазерной винтовки. Пальцы сами собой настроили регулятор импульса на максимальную дальность стрельбы. Всей силы воли едва хватало на сдерживание совершенно естественного порыва – устроить сеанс стрельбы по движущейся мишени. – Чтоб у тебя реактор разорвало! Чтоб ты на приведенную в боевую готов-

ность зенитную батарею частного владения нарвался! Чтобы у социков на твою голову оплаченный общественностью заказ пришел!

– Тишина в эфире! – зашипел вставленный в ухо динамик. – Две минуты до начала операции.

Осмотр собственного тела особых повреждений не выявил, но вот одежда там, где меня впечатало в перила, основательно испачкалась слоем слежавшейся на одном месте пыли. Видимо, если в наши времена еще и есть романтики, любующиеся на ночное небо и далекий космос, то ограду крыши они явно не протирают. Хотя вряд ли таких чудиков на всей планете много наберется и совсем уж невероятно, чтобы двое таких встретились не то, что в одном доме, а хотя бы в одном квартале. Современная жизнь, с ее бешеным темпом и моралью, призывающей не просто толкнуть падающего, а и сожрать его еще дергающийся труп, не оставляет места для пустых мечтаний.

– Внимание, начинаем. – Раздавшийся в ухе чужой голос заставил меня отвлечься от созерцания вечных, бесконечных, безграничных просторов и перевести взгляд вниз. Туда, где и должна была оказаться наша цель. На прозрачных стеклах прицельных очков тотчас с готовностью подсветились три десятка силуэтов, неспешно шествующих по тротуару. Не из-за какой-то там важности их персон или чувства собственной силы, вовсе нет. Шустрее передвигать ноги им мешала груда бытовой техники, вынесенной грабителями из

разрушенного магазина. Уличная банда, командир которой решил рискнуть и немного изменить сложившийся на улицах города порядок, вывела своих бойцов из трущоб в благополучный район. И отряд люмпенов захватил богатую добычу. Но уйти с ней уже вряд ли сумеет, нести караул в ночной дружине всегда считалось у обитателей данного квартала хорошей традицией. А традиции мы соблюдаем...

Взрыв, скосивший половину забредших совсем не туда налетчиков, являлся следствием заложенного на пути вражеской шайки управляемого снаряда. Во всяком случае, ракеты не разглядели ни я, ни даже переведенный в боевой режим сенсор очков. Да, предводитель уличного отребья все-таки слишком промедлил с отступлением в свою родную берлогу. Допустить, чтобы пути отхода не только перекрыли, но и заминировали, такая ошибка по праву может именоваться непростительной. Как он вообще умудрился дожить до этого дня, если допускает подобные промахи?

Мысли не помешали мне нажать на курок, поразив выбранный цель, и тут же зашарить стволом в поиске новых противников. Однако все усилия оказались тщетны. Расстреливаемые со всех сторон грабители просто не успели оказать сопротивление, роняя оружие из мертвых рук раньше, чем удалось им воспользоваться. Не знаю, во сколько раз стрелявшие превосходили их численностью, но, судя по плотности огня, тот, кто командовал сегодняшним дозором, не поленился поднять представителей русской мафии.

А также заодно привлечь и сочувствующих ей бойцов, проживающих на нашей территории и время от времени работающих на данную организацию в качестве наемников. Причем и первых и вторых созывали с радиуса как минимум пары кварталов.

– Отбой тревоги, – прошуршал в динамике спокойный голос, и из дверей домов на улицу высыпали союзники. Бойцы явно намеревались вернуть награбленное хозяевам магазина, собрать трофеи и добить тех, кто еще подавал признаки жизни. То есть выполнить обычную работу ночных дозорных, хранящих мир и покой жилого массива. – Всем спасибо, гражданским можно возвращаться по домам. В связи с происшествием сегодня до утра будет дежурить оперативная бригада семьи, да и сочики минут через тридцать-сорок на шум подтянутся, а в их присутствии никто безобразничать не будет.

Шагая к спуску вниз и радуясь преждевременному окончанию общественно полезного дежурства, дающему возможность прекрасно выспаться, я бросил последний взгляд вверх, в безмолвную, мрачную, стабильную от начала времен пустоту. Она успокаивала. По крайней мере, в ее равнодушии и безжалостности нет презрения, ненависти и стремления нажиться за твой счет. По нынешним временам эта холодная черная бездна – практически рай.

Глава 1

Ночь. Улица. Фонарь. Мутанты. Хотя, может, и не мутанты, кто их разберет. Но на рукавах толстых курток из темной синтетической кожи имеется светящаяся спираль, вот уже века являющаяся официальным символом измененных. А значит, велика вероятность того, что в их телах и вправду копался кто-то из врачей, специализирующихся на улучшении человеческого организма. Да еще и результаты своей работы закрепил, не дав этим кускам протоплазмы через полгода принять более соответствующий им вид. Вид лужи слизи, например. Грамотно окружили, сволочи. Спереди пятеро стоят монолитной стеной, сзади трое пути отступления блокируют. Из них двое – леди, точнее, в соответствии с реалиями нашего жестокого мира, самки. Это плохо. По статистике, они куда более жестоки, чем их партнеры, выбор оружия данных особей это только подтверждает. Одна со старым армейским шокером ближнего боя, жуткой штукой, способной остановить сердце человека одним ударом. У второй в покрытых светящимся алым лаком коготках зажато нечто среднее между большой бритвой и маленьким мечом, почти лишенным рукояти. Проклятье, ну почему я такой жадный?! Надо было сразу, выходя на улицу в двенадцатом часу ночи, потратиться на такси, а не устраивать пешую прогулку!

– Ну что, чистюля, – с мерзкой улыбкой шагнул вперед экземпляр хомо не сапиенса, ответственный в банде за переговоры. – Деньги и коммуникатор сам отдашь или помочь?

А ведь с оскорблением и не поспоришь. Действительно, ни на физиономии, ни на теле нет следов непроизвольных мутаций, наследственных болячек или имплантатов. Хороший у меня организм, чистенький. Если бы эти уроды знали насколько, то, наверное, даже разговаривать бы не стали, а сразу шлепнули и оттащили к мясникам. В городе клиник, разбирающих сырье на органы, хватает. Ну, вот где патруль социальной службы, когда он так нужен? В ближайшем баре сидит, в головизор пялится, пиво пьет да стриптизерш щупает?

– Это район Толстяка, – робкая попытка уладить дело миром. Жирный урод, собирающий в универе деньги за «уличное спокойствие», все-таки обладает, помимо избыточного веса, некоторым авторитетом и родственниками-гангстерами. А уж те внимательно следят за сохранением своих кормовых угодий и изгоняют не делящихся доходами конкурентов в лучший мир посредством выстрела в затылок. Правда, последние дней сорок подачки от меня представитель местной преступности не получал, но мутантам данный факт знать необязательно.

– Не волнует, – грабитель приблизился уже почти вплотную, за что и поплатился. Хлопок по браслету-коммуникатору, являющемуся далеко не обычным гибридом кредит-

ной карточки, компьютера и телефона, заставляет открыться потайное отделение. А оттуда выпадает маленький и очень хрупкий цилиндр, детонирующий быстрее, чем пролетает вниз четверть метра при нормальной силе тяжести. Ослепительно яркое сияние световой гранаты больно режет глаза даже сквозь заранее зажмуренные веки, и вопли ослепших грабителей звучат в ушах сладкой музыкой. Удар плечом в корпус излишне приблизившегося налетчика роняет парня на жесткую и негостеприимную поверхность, которую землей может назвать лишь неисправимый романтик. Бегу вперед, ориентируясь больше на память, чем на зрение, оно еще не полностью восстановилось. Меня пытаются остановить встречным ударом, заставляющим покатиться кубарем, и пробуют вцепиться в ноги. Массирую чью-то физиономию ботинком, перекатываюсь разок, слышу, как на место, где лежал несколько мгновений назад, опускается чье-то оружие, жестко скрежеща о покрытие улицы, вновь принимаю вертикальное положение и снова бегу. Сзади слышится топот погони, но какой-то он жиденький, всего на две персоны. Видно, только у них нашлись защитные линзы на глазах, и не столь уж важно, природные, встроенные добрым дядей киберхирургом или купленные в магазине. Догонят? Вероятно, да, причем скорее рано, чем поздно, чистый организм легче лечится врачами и дороже стоит у них же, но вот в эффективности здорово проигрывает модифицированным тушкам. Опа! Супермаркет! Спасен!

Нырять в услужливо распахнувшиеся передо мной двери и перехожу на шаг, оборачиваясь в сторону преследователей. Они остановились буквально в нескольких метрах за прозрачным пластиком и, судя по рожам, обещают мне страшную, но не сиюминутную расправу. С системой безопасности крупной торговой точки шутки плохи, можно по шее от охраны получить. Если она живая, то еще ничего, а вот если роботы... Что бы там ни говорили в массмедиа различные эксперты с десятками ученых степеней, железяки, с установленными ограничителями на уровень интеллекта, были, есть и, скорее всего, будут тупыми до невозможности. Лично видел парня, которого подстрелил дройд, неизвестно с чего перепутавший потянувшегося к полке с товаром покупателя с грабителем. К счастью, бедняге тогда повезло, отделался новым желудком и парой месяцев в больнице, а ведь мог бы и помереть на месте. Хотя для меня лучше, если здесь в качестве охраны окажется компьютер с парочкой турелей и минимумом инициативы, а не живой человек. Ведь последний способен выкинуть беглеца на расправу по целой куче причин, начиная от плохого настроения и заканчивая долей в бизнесе грабителей. Впрочем, вероятность подобного исхода невелика. Во-первых, если жертва выживет, будет мстить, а во-вторых, наемнику в отличие от набора деталей и кучи программ платить надо.

Все оказалось именно так, как я и думал. Живой в магазинчике была только девушка-продавец годочков далеко

за тридцать, обряженная в обтягивающую, как вторая кожа, униформу белых и красных цветов. На ком-то посимпатичнее этот наряд выглядел бы весьма сексуально, но одутловатое лицо, где без труда читалась всемирная скука и следы злоупотребления в молодости наркотиками и алкоголем, напроць убивало все впечатление.

– Покупать что-то будешь? – вяло поинтересовалась она у меня, с отсутствующим видом рассматривая через прозрачный пластик уличных преступников, постепенно увеличивающихся в числе. Все же световая граната не лучшее средство самообороны. Если не успеешь смыться или прикончить противника раньше, чем тот отойдет от шока, вызванного ее применением, то сделаешь себе лишь хуже. Зато даже если она взорвется в руке, то максимум пальцы обожжет, а в коммуникаторе и вовсе полностью безопасна. И ее можно свободно проносить через любые детекторы, стоящие в общественных местах.

– Бутылку самой дешевой минералки, а также заказ такси до района четыре через ваш коммуникатор, если можно, – вежливо попросил продавщицу я, краем глаза наблюдая за бандой. Шайка, оглядываясь на каждом шагу, ввинчивалась в ближайший переулок. Или у меня паранойя, или они намерены подстеречь свою сбежавшую жертву.

– С твоего счета снято десять кредитов, жди, – вяло откликнулась продавщица, а у меня внутри зашевелилась бесильная злоба. Десять! Целых десять кредитов! Да за пять

можно добраться до пригорода, взяв с собою в дорогу вполне приличного пива! Вот дрянь, положила себе в карман половину суммы, воспользовавшись моим бедственным положением, и радуется. Чтоб эту торговую точку социки восемь раз в неделю проверяли, а все штрафы на ее имя выписывали!

С едва слышимым гудением антигравов к дверям магазина спланировал потрепанный флаер с облупившейся синей краской на боках. Клиновидная форма и болтающаяся под днищем, словно птичьи лапки, турель выдавала модель «Голубь». За такие деньги – и такое старье?! Да их с производства уже двадцать лет как сняли! Интересно, наши отцы города технику, произведенную до Великой Войны, нигде не используют? Ну, мало ли, вдруг имеется еще парочка экземпляров в рабочем состоянии, это ж какая экономия! А что фонят немного – не беда, лечить начальные стадии рака уже давно научились. Правда, бесплатная медицина осталась лишь в исторических хрониках да моих воспоминаниях, но последнее – уже проблема не власти, а общества.

С опаской прошмыгнув в гостеприимно раскрывшееся нутро летательного аппарата, я плюхнулся на потертое сиденье, из которого в одном месте торчала вырвавшаяся на свободу пружина. А затем глубоко, от всей души, облегченно выдохнул. Пронесло, стрелять уличные налетчики не стали. То ли не из чего, то ли решили, что себе дороже. «Голубь», конечно, старье старьем, но штатная турель под брюхом висит. И проверять, исправна она или нет, вряд ли ради ка-

кой-то мелочи рискнут на своей шкуре даже те измененные, кто кожу заменил себе танковой броней.

– Пристегните страховочные ремни, – меланхолично посоветовал бортовой компьютер, управляющий машиной. В следующую же секунду флаер, затрясшись всеми своими железными внутренностями, оторвался от земли и начал набирать высоту.

– Вид из окна, – скомандовал я, и непрозрачный до этого пластик пошел радужными переливами, явив через пару секунд вид на Метроном с высоты птичьего полета. Город жил ночной жизнью, высотки небоскребов, которые проплывали так близко, что, казалось, их можно коснуться рукой, светились огнями. Снизу им вторила уличная реклама многоцветьем всей палитры красок, возможно, даже забираясь в невоспринимаемые обычным человеческим зрением диапазоны. Мимо проносились на ошеломительной скорости сверкающие кляксы частных флаеров, спешащих по своим делам. И только центр хранил гордый мрак, пряча свое величие в глубинах земли. Все-таки человеческая раса удивительно живуча. Атомный пожар Великой Войны превратил почти всю территорию Земли в крайне малоприспособленное для жилья место. Но гляди-ка, прошло всего четыре сотни лет, а люди уже снова ее заполнили. Блин, ну вот втемяшились же в мозг сведения о истории, и тот факт, что экзамен уже сдан, настойчиво лезущие изо всех щелей знания просто-напросто игнорируют. Все же не стоило зубрить дополнительные ис-

точники, вполне хватило бы официальных материалов....

– Проклятье! – Браслет на руке завибрировал, свидетельствуя о вызове. Судя по тому, в каком ритме он это делал, номер входил в число имеющихся в памяти электронного устройства и принадлежал кому-то знакомому. Знакомому и очень неприятному, иначе бы не поставил на сигнал мощност, достаточную, чтобы тот мог поднять даже посреди ночи, лишив малейшего шанса проигнорировать послание.

– Добрый день, с вами говорит автоматическая служба оповещения корпорации «Знания Метронома». – Передо мной развернулась голограмма с набившим оскомину логотипом. Так, ну и какую же пакость собрался нам подкинуть любимый институт? О внезапных изменениях расписания студенты узнают уже после того, как не пришли на оплаченное занятие. О внеплановых проверках успеваемости, где полученные низкие баллы автоматически поднимают цену обучения, тоже в известность не ставят. – Из-за сбоя в компьютерной сети ваши оценки за экзамен по истории аннулированы. Желаете пересдать его прямо сейчас в режиме реального времени бесплатно, воспользовавшись стандартным протоколом, или оформите заявку на дополнительные услуги нашего учреждения?

Сволочь! Высший балл, вырванный у полумразумных компьютерных и крайне придирчивых экзаменаторов буквально с боем, ушел коту под хвост! И ведь не в первый раз уже! Теперь придется либо прямо так, с ходу, правильно отвечать

на хитрющие вопросы, либо же готовить полсотни кредитов. Не такую уж и маленькую сумму потребуют заплатить за амортизацию оборудования в случае, если не удастся убедить электронные мозги в правильной работе моего серого вещества.

– Готов к пересдаче, – слова слетели с губ, свидетельствуя о начале непродолжительного, но крайне выматывающего интеллектуального марафона. Медлить же с ответами нельзя. Вообще нельзя замолкать дольше, чем секунд на пять-семь один раз в минуту. А то система может решить, что я куда-нибудь подглядываю. Стандартный протокол бесплатной пересдачи, мать его! Тот, кто сочинял эту пакость, был настоящим гением по части составления компьютерных программ и создал шедевр, служащий лишь одной цели. Вытянуть из учащихся побольше денег.

– Отвечать быстро, четко, кратко и по существу, малейшее промедление будет использовано против вас. Общая тема экзамена – эпоха Третьей Мировой. Вопрос первый, – тотчас же в темпе скороговорки, смазывая звуки, затараторил динамик моего браслета-коммуникатора. – Охарактеризуйте начало Великой Войны.

– Началом крупнейшего вооруженного конфликта в истории человечества, получившего название Третьей Мировой, или Великой Войны, считается дата вероломного ядерного удара, нанесенного Российской Федерацией по третьему ударному корпусу вооруженных сил Китая в районе озе-

ра Байкал. Данный акт неспровоцированной агрессии нарушил ряд соглашений, заключенных между существовавшими в те времена государственными образованиями и послужил поводом для адекватного применения оружия массового поражения, в итоге вылившегося в не имеющий прецедентов конфликт.

— Принято, — оповестил компьютер о соответствии высказанной информации с тем, что пишут в учебниках, и знанием мной истории. Впрочем, уж как раз в этой отрасли гуманитарных знаний я обоснованно считал себя крупным специалистом, перелопатившим такую грудку макулатуры, которая не снилась в кошмарах и некоторым профессорам. С другой стороны, правдивые сведения о корпорациях и социальной службе, которые забыли вытравить цензурой из-за давности, того стоили. С чего на самом деле началась Третья Мировая Война, сказать сейчас сложно. Версий, откровенно противоречивших друг другу, слишком много, да и правдивой там наверняка нет, но вот последствия Войны уже показаны более четко. Численность человечества рывком упала до жалких трехсот миллионов, которым повезло не только уцелеть под атомной бомбардировкой, но и оказаться поблизости от более-менее защищенных бункеров или мест, которые можно было быстро превратить в таковые. Поверхность планеты в результате ядерной зимы на пять лет оказалась не очень пригодной для существования. А те, кто остался на Земле, почти поголовно вымерли. Жалкие остатки человечества бы-

ли загнаны в сеть убежищ, где не хватало всего. Еды. Воды. Медикаментов. От уцелевших поначалу счастливых в результате довольно быстро, за пару годиков, осталась жалкая треть. – Второй вопрос. Назовите причины, приведшие к образованию корпораций в их нынешней форме.

– Желание обеспечить себе достойные условия существования вынудило большие массы людей установить эффективный товарооборот в первые годы после окончания Великой Войны. Также общество осознало всю пагубность существовавшей на тот момент системы власти, приведшей нашу расу к катаклизму. Результатом этого осознания стало постепенное отмирание старого общественного строя и установление всепланетной сети взаимосвязанных корпораций. В некоторых местах дефицита определенных ресурсов не наблюдалось. Скважины, которые были пробурены в глубь Земли на километры и не пересохли после сотен сейсмических толчков от взрывов, исправно снабжали своих хозяев чистой водой. Кто-то засел на старых складах и имел громадное количество халявного товара, чьи законные владельцы погибли или молчали в тряпочку, чтобы не привлекать к себе внимания, способного оборвать их жизни. Места в убежищах, куда могли впустить, а могли и не впустить, тоже котировались очень и очень высоко. Так началась эпоха корпораций. Городов-полисов. Или, вернее, компаний-стран. Все менялось на все с единственной целью – выжить! Насилие же выходом не являлось, во всяком случае, не любое и не

всегда. В сражениях истреблялось слишком много ресурсов, которые проигрывающая сторона, как правило, уничтожала назло победителю. – Считается, что, кроме основной причины, сильное влияние на этот процесс оказали десять второстепенных факторов, таких, как...

– Достаточно. Принято. – Заставил замолкнуть меня компьютер, сбивая с мысли и ломая настрой. Гадская программа! А ведь сейчас вопросы пойдут по нарастающей с увеличением сложности. – Вопрос три. Насколько гладко протекала смена общественных формаций? Когда она началась? Назовите примерное количество погибших.

– Точного ответа на данный вопрос историки дать не могут. Чтобы не погибнуть, каждое убежище старалось обеспечить себе контакт с как можно большим количеством бункеров. Нельзя утверждать, что первые годы после Великой Войны были мирными, можно даже сказать обратное, люди лили кровь сородичей за глоток чистой воды и банку просроченных консервов, но, так или иначе, человечество выжило, более того, осуществилась его давнишняя мечта – объединение. В первые годы после окончания Третьей Мировой выжившие довольно часто уничтожали своих бывших противников в данном конфликте или даже союзные их врагам образования, а потому назвать конкретную цифру погибших, именно из-за смены общественных формаций, не представляется возможным. Аналогичные проблемы мешают и найти определенную дату создания первых взаимовыгодных от-

ношений между зарождающимися корпорациями, поскольку многие из них возникли как продолжение существовавших до начала войны союзов.

– Принято, – отозвался компьютер, и я облегченно выдохнул, поняв, что правильно сумел составить ответ, счастливо избегнув ловушки, расставленной на любителей сыпать цифрами, которые чуть ли не у каждого составителя учебников свои собственные. – Вопрос четыре. Назовите решающий фактор, позволивший человечеству в условиях разрухи после Великой Войны сделать шаг вперед в своем развитии.

– Ответ однозначен, это технологии удаленного общения, позволявшие выжившим координировать усилия и кооперироваться, – тотчас же выпалил я. – В первые годы после катастрофы население Земли сидело по бункерам и делало вылазки на поверхность единственно с целью помародерствовать или, в исключительных случаях, поторговать. Все общение между поселениями протекало в основном с помощью тех или иных уцелевших форм связи. А их оказалось неожиданно много. Не все спутники были сбиты, некоторые по-прежнему кружились вокруг планеты и исправно передавали информацию, да и зарытые в землю кабели электронных сетей на холод, голод и повышенный радиационный фон чихать хотели, а точно и прицельно их никто не бомбил. Устранить же случайные обрывы оказалось не так уж и сложно. Так что информационное поле Земли, хоть и обеднело в связи с гибелью большинства пользователей, но

уцелело. При некотором усилии комфортно устроившиеся во льдах Антарктиды полярники, у которых системы жизнеобеспечения были сконструированы на высшем уровне довоенных технологий, могли связаться со своими земляками, родственниками или коллегами где-нибудь в Америке.

– Принято, – меланхолично зафиксировал ответ виртуальный экзаменатор. – Вопрос пятый. Назовите наиболее значительные последствия для живого мира планеты, наставшие после атомного конфликта, и неизбежного в таком случае загрязнения окружающей среды.

– Таковым может считаться создание нового вида хомо сапиенса, человека измененного, – вовремя вспомнил я о том, что люди биологически являются животными. – А зная нынешние нравы, изменения, затрагивающие человеческое общество, безусловно, считаются куда более значительными, чем перечень в сотни тысяч и даже миллионы видов. Пусть пропали какие-нибудь бесполезные насекомые, не имеющие важного значения в сельском хозяйстве растения или редкие, плавающие в одном-единственном озере, рыбы. Что с того хозяевам жизни, неустанно перекраивающим весь мир под себя? Ситуация на Земле постепенно нормализовалась, мать-природа пережила рукотворный катаклизм и затягивала раны. Биосфера уцелела, пусть несколько и оскудев. Причем даже никаких крысотараканов и собакоскорпионов не породила. Нет, конечно, нелетальные мутации у животных имелись и по наследству передавались, но ничего слишком

уж экзотического они не несли. Во всяком случае, у неразумных представителей живой природы.

– Принято, – отозвался компьютерный экзаменатор. – Вопрос шесть. Когда появились измененные?

– Точную дату назвать невозможно. Близкие по своему духу проекты, посвященные разнообразному усовершенствованию человека, велись в десятке мест на территории Земли еще до Великой Войны. Практически все они дали плодотворные результаты, использовавшиеся в обстановке секретности, – отозвался я, мысленно вздыхая о времени, предшествующем ядерному конфликту, и жалея о том, что история тогда свернула куда-то не туда. Вместо золотого века тропа развития привела людей в темное и мрачное будущее, откуда хочется сбежать. Вот только, к сожалению, некуда. Примерно в те годы появились первые из тех, кого сейчас официально называют измененными, а неофициально, как было и встарь, мутантами. Правда, этот термин отображает только половину возможных модификаций человеческого организма. Кроме генетических манипуляций, есть еще и киберпротезирование. Хотя они обычно дополняют друг друга. Вообще-то предпосылки для появления этого нового подвида Хомо Сапиенс возникали уже давно. Еще в фашистской Германии времен Третьего рейха ставились опыты на людях. Были они, правда, провальными, но у кого все получалось с первого раза? Да и древнегреческую Спарту с ее отсевом слабых и больных детей, сбрасываемых в про-

пасть, можно вспомнить. Неизвестно, сколько всего проводилось неудачных экспериментов, но незадолго до Войны, лет за пять, в армии наиболее развитых стран кинули клич на поиск добровольцев, желающих пройти процедуру коренного улучшения себя, любимого. – Можно считать доказанным, что первые успешные образцы киберпротезирования, превосходящие натуральные органы по отдельным параметрам, увидели свет в самом начале двадцать первого века.

– Принято, – согласился компьютер. Интересно, сколько еще осталось? А то ведь, когда такси остановится, потребуются прерваться, чтобы выйти из него. И это может аннулировать все достигнутые результаты, заставив раскошелиться на платную пересдачу. – Вопрос номер семь. Почему количество измененных на самой заре их развития увеличивалось стремительными темпами, а сейчас остается относительно стабильным?

– Ответ кроется в самой природе людей. В экстремальной ситуации плюсы измененных, в частности, большая живучесть и высокая приспособляемость к неблагоприятным условиям внешней среды, превалируют над минусами. – Буду надеяться, такой ответ прокатит, хотя он ближе уже не к истории, а к социологии, но ничего лучшего на ум попросту не идет. Тем более, именно эти причины и останавливали массовые превращения людей в измененных еще в двадцать первом веке. Конечно, спустя некоторое время, скорее всего, косность мышления оказалась бы преодолена, но... слу-

чилась Война. Элитные военные части, среди которых и были первые измененные, если не гибли под атомными бомбардировками, то в дальнейшем хаосе, как правило, выживали. Народ там был хваткий, в связи со спецификой работы, да и материальное обеспечение у них имелось на самом высоком уровне. Но действительность постапокалипсиса стала чрезмерным испытанием даже для них. К тому же они спасали не только самих себя, но и, по возможности, семьи и знакомых. Получалось не всегда. В попытках обеспечить выживание близких людей, солдаты шли на такое, чего годом ранее никогда бы не сделали. В том числе и на изменение фенотипа. Так появился новый вид человека. Человек измененный. Самыми значительными из них, для тех, кто модернизирован технически, является необходимость использования специализированной медицины и несколько меньшая естественная продолжительность жизни. Генетические же усовершенствования помимо вышеупомянутых факторов практически гарантируют своим обладателям проблемы с наследственностью и размножением, решением которых занимаются исключительно клиники экстра-класса.

Научиться сбрасывать кожу, чтобы не тащить с собой радиацию внутрь убежища? Почему бы и нет? Нарастить защитный слой жира, согревающий в холодную ядерную зиму? Тоже можно. Установить две искусственные почки, успешнее выводящие соли, яды и прочую дребедень, непременно образующуюся, если жрать всякую малопригодную га-

дось? Без проблем. О таких мелочах, как сервоприводы в руки и ноги или вживленные под кожу бронежилеты, и говорить не приходится. Этично, не этично... Эти понятия люди быстро позабывали, стоило им лишь ощутить голод или увидеть, как медленно гниют под воздействием лучевой болезни их близкие. Впрочем, ученые, имевшие друг с другом неплохие знакомства, особых перегибов дружно решили не допускать.

Во-первых, они вынужденно, из-за особенностей строения мозга, ограничили свою фантазию в рамках более-менее человекоподобного облика. Десятирукий и шестиногий спрут в полтонны весом учиться эффективно управлять своим новым телом должен был годами. А в условиях, когда на хлебников обычно пристреливали, такой период адаптации попросту невозможен.

Во-вторых, умники в белых халатах не закрепляли изменения в наследственности. Последнее условие большинство клиентов горячо одобрило. Дети, если они у них, конечно, появятся, по мнению большинства, должны были оставаться обычными людьми. Вот только подрастающее поколение, тоже, как правило, глядя на родителей, хотело себе похожие примочки, сильно помогающие в сложной, но невероятно увлекательной игре под названием жизнь.

Ученые новым клиентам только радовались. Их запасы ведь были хоть и велики, но не бесконечны, а с исчезновением государственной инфраструктуры кладовые перестали

пополняться сами собой. За операцию, вернее, целый комплекс сложных процедур, с клиентов брали более чем не плохие деньги. Хотя какие в те времена были деньги? Бартер правил миром. Но, так или иначе, благодаря проводимой учеными политике, измененных и тогда, и сейчас, относительно немного, примерно процентов девять-десять от общего количества людей. И стать одним из них человек может только после достижения пятнадцати лет.

– Принято, – после очень долгого молчания проскрипел, наконец, компьютер. Я от его действий даже заволновался, как бы и эту пересдачу не отправила система в ненужные данные, предназначенные для стирания. Во всяком случае, если тон грубого подобия искусственного интеллекта меняется ни с того, ни с сего, это значит, что внутри него протекают какие-то непонятные процессы. И вряд ли их результат мне понравится. – Вопрос восемь. Что вы можете рассказать о процессе объединения?

– В экстремальных условиях выжили лишь сильные лидеры, которые задумывались о будущем. – Пожалуй, тут будет уместным проявить немного фальшивого патриотизма. И надеяться, что камера на браслете не передаст кому не надо мое скривившееся в гримасе отвращения лицо. – Ситуация, когда каждое поселение было обособленным от внешнего мира, не могла продолжаться вечно. Рано или поздно поверхность Земли снова стала бы пригодной для существования, и народ неминуемо вылез бы из бункеров, желая забыть

темные, тесные и душные подземелья, как страшный сон. А возглавляли людей лучшие! И, естественно, для достижения наибольших результатов было принято решение скоординировать их усилия.

Вследствие нормализации обстановки на планете люди избавились бы из-под тотального контроля новых хозяев жизни, глав корпораций, в те времена еще называвшихся совсем по-другому. А они уже привыкли вкусно есть и сладко спать под усиленной охраной. Власть – страшный наркотик. И привыкание к нему гарантированно излечимо только летальным исходом. Уцелевшие члены прежних правительств, из крупных чиновников враз ставшие мелкими феодалами. Торговые бонзы, внезапно сделавшие состояние на чужих бедах. Генералы, сохранившие в подчинении осколки войск. Полевые командиры, сколотившие себе отряды головорезов, не боящихся ни бога, ни черта и отвоевавших себе место под рукотворными сводами. Все они сумели договориться о разделе сфер влияния на прямых электронных вещаниях. А кто не сумел – погиб. Кое у кого сохранились коды доступа к уцелевшим ракетным шахтам, предназначенным для отсроченных ударов и приберегшим смертоносное содержимое. Да и своими ручками уже никто не стеснялся устранить несогласных с новым миропорядком, лично им сулившим достаточно радужное будущее.

– Подробнее, – проскрипел динамик, когда я запнулся, чтобы перевести дух. – В случае, если подача звуковой ин-

формации не будет возобновлена в течение трех секунд, данная попытка сдачи экзамена считается аннулированной.

– Дата конференции, на которой были приняты одни из самых судьбоносных решений в истории человечества, объединивших всю людскую расу, до сих пор считается одновременно и государственным праздником, и началом новой эры. По официальному календарю сейчас идет четыреста двадцать третий год от Соглашения! – поспешно затараторил я, сам глотая звуки не хуже институтской программы. О последовавших за данным мероприятием годах истребления несогласных скромно умолчим. Традиционно, как не раз это делали в глубокой древности со многими неприглядными фактами. – Неофициальную политику ученых по созданию измененных, неспособных самостоятельно передать свои отклонения от общечеловеческого эталона по наследству, там тоже, между прочим, облекли в плоть четких формулировок и законодательно закрепили. И она сохранилась до настоящего времени практически в первоначальном виде! Тогда же создали и приняли основу основ современного общества, систему статусов!

Конечно, в учебниках это называется иначе. Борьба с сепаратизмом, жизненная необходимость объединения человечества, контроль за распространением опасных технологий, уничтожение бандформирований... Вот только почему-то данные процедуры произошли в то время, когда не сумевшие наладить относительно автономное существование

уже погибли, а по земной поверхности стали передвигаться без скафандра.

У моей расы не появилось единого лидера. Этого не произошло в те времена, невозможно сейчас и вряд ли станет вероятно в обозримом будущем. Но после Соглашения, заключенного главами корпораций, вновь возникло такое явление, как сословные ранги и аристократия. Все население бункеров, то есть, попросту говоря – человечество, оказалось официально поделено на группы, которым присвоили соответствующие буквы английского алфавита. Почему был выбран именно он, не до конца понятно. Вероятно, данный язык считался межнациональным средством общения. Или, может, потому, что уцелели в основном представители весьма развитых стран, для которых он являлся родным. В соответствии с полученным статусом человек обладал теми или иными правами. А вот обязанностями его нагружали вышестоящие, которые законодательно получили возможность решать судьбы подчиненных. И не только.

Статус также определял цену жизни человека. В прямом смысле слова. Была установлена система наказаний и штрафов за все правонарушения, включая убийства. Единая по всей планете, соблюдавшаяся неукоснительно, жестокая и безобразная. От того, каким положением обладал потерпевший, а каким жертва в ней, зависело очень многое. Следить за исполнением принятых законов призвали созданную общими усилиями структуру – Социальную Службу. Эта ор-

ганизация объединяла в себе все мыслимые и немыслимые функции контролирующих и карательных органов. А управляли ею непосредственно главы корпораций, являющиеся ее верхушкой. Социки, как немедленно окрестили их люди, являлись жестокими и практически всемогущими чудовищами в человеческом обличье. Их боялись и ненавидели. Но боялись все-таки больше. Конечно, они, помимо всего прочего, занимались такой важной и полезной деятельностью, как контроль за оборотом наркотиков или мониторингом за соблюдением экологических и санитарных норм. Правда, я лично не знал ни одного человека, по мнению которого плюсы данной организации перевешивали бы ее минусы. Хотя, вероятно, повинен в этом мой круг общения, среди которого не имелось выходцев из высшего общества.

Одной из самых неоднозначных функций образовавшейся структуры стала служба принудительного решения конфликтов. За любое правонарушение, с исключением в виде политических махинаций и промышленного шпионажа, ею устанавливался штраф, позволяющий полностью искупить свою вину перед обществом. Если попался, то заплати его и свободен, да и вообще как будто не судим. А коли сразу постучишься в офис социков и выложишь его же да плюс двадцать пять процентов надбавки, так контора сама сделает все, за что получены деньги. Изобьет, украдет, убьет. Но – с минимальным количеством риска для окружающих и весьма профессионально. Узаконенный институт насилия, которое

после Войны прочно вошло в человеческую жизнь.

Возможно, это и было необходимо в то время, чтобы человечество могло стравливать пар относительно безопасным способом и выжить... Возможно. Но очень маловероятно. Я всегда так считал, имея возможность сравнивать мир прошлый и мир нынешний. Сведения, которые нашлись в старых архивах, во время подготовки к экзаменам, лишь убедили меня в этом. Главы корпораций, при помощи Соглашения, хотели сделать наш мир идеальным для себя... Ну что ж. У них получилось.

Те, кто был на верхушке социальной пирамиды, в зависимости от собственной мощи и влияния, взяли себе символы от А до D. Императоры, короли и правители нового мира. Главы крупных фирм-городов, чье слово было законом для всех, кроме таких же, как сами они, хозяев жизни. Высшие чиновники Социальной Службы. Им можно было все кроме массового геноцида. За отдельные убийства, пусть даже их набиралось много, они выплачивали социальной службе штрафы. Для меня – невероятно огромные. Для них – карманную мелочь.

Литеры от Е до Н получили их ближайшие помощники, каждый из которых имел в подчинении не одну сотню человек. Впрочем, в исключительных случаях этот статус мог даваться и кому-то другому, не имевшему в своем распоряжении крупных сумм или власти, но достаточно ценному. Видному ученому, сделавшему фундаментальное открытие

или личному телохранителю кого-то из высшей аристократии, спасшему жизнь сюзерену, тем самым доказав свою верность и полезность. Эти теоретически уже могли попасть под каток законов, но никогда этому не подвергались, если их не настигала немилость своих вышестоящих покровителей. Последние лично или при помощи своих подчиненных лишали провинившихся свободы и жизни. А сами были прикрыты от законов... Ну, за исключением тех случаев, когда верхам хотелось провести образцово-показательную казнь, кинув кость плебсу и отдав бывшее высокое начальство на расправу жаждущей крови толпе.

Буквы I, G, K, L, M достались мелким начальникам и начальничкам. В какой степени мелким? Десяток подчиненных как минимум. Максимум не лимитирован и зависел от сферы, где те находились. В тюрьмы или в прицел работников Социальной Службы они попадали... иногда. Если обладающие этими рангами умудрялись не опростоволоситься достаточно долго, то начинали располагать средствами, позволяющими откупиться от закона.

Основанная масса населения получила статус, выражающийся символами от N до S. Рабочие. Солдаты. Мелкие клерки. Представители социальной сферы. Им уже были не под силу штрафы, установленные за правонарушения. На один такой они копили десятилетиями. А потому были вынуждены стать весьма законопослушными. Если хотели жить и жить, пусть не так уж хорошо, но терпимо.

Буквы от Т до W означали людей с поражением в правах. Проще говоря, узаконенных рабов. Но если так назвать их в зоне досягаемости датчиков Социальной Службы, то ее работники неизбежно навесят на того, кто нарушил постановление от какого-то там числа, солидный штраф. Вот уж чьей участи не позавидуешь, прогресс науки и техники не позволял им иметь даже призрачные шансы на обретение свободы и заставлял быть покорной глиной в руках тех, кто имел в своем распоряжении коды управления. По мне стать подобной марионеткой – это хуже, чем мертвым. Правда, иметь в подчинении таких бедолаг позволялось только со статуса G. Хотя что-то хорошее, относительно простые люди не могли испытать искуса владения чужими судьбами. Да и было обладателей этих категорий, по правде говоря, не так чтобы много. Рабский труд в большинстве отраслей высокотехнологичного общества попросту неэффективен. И потому девяносто пять процентов рабочей силы считали себя свободными людьми, хотя по факту отличались от невольников не так уж и сильно, тоже всю жизнь горбатясь на хозяина за еду, одежду да очень-очень редкие дополнительные поправки по праздникам. Призрачная надежда оказаться полезным и получить более высокий статус, позволяющий вздохнуть чуть-чуть свободнее, заставляла их трудиться изо всех сил, действуя даже эффективнее понуканий и принуждений.

Литеры X, Y и Z стали достоянием преступников. Причем обладатели самой высокой категории, из возможных для

правонарушителей, еще могли ждать реабилитации, а за их убийство налагался незначительный штраф. За головы обладателей предпоследней буквы, отделенные от туловища, даже назначалась награда. А любой вид контакта, кроме немедленного убийства того, в чьем досье стояла последняя литера английского алфавита, сам по себе являлся тяжким преступлением. Присваивали же ее исключительно революционерам и борцам с режимом, обзываемым террористами. Показательно, не так ли?

Для жителей подземных убежищ это ничего не меняло, поскольку введенный закон лишь закреплял юридически и так де-факто существующее положение дел. А вот для их потомков... Статус передавался по наследству. Изменить его было легко. В сторону уменьшения. А вот подняться по социальной лестнице, как во все времена, было очень и очень сложно. Почти невозможно. У власть имущих росли свои дети, и конкуренты им, понятное дело, даром не нужны. Тот, кто сидел на верхушке социальной пирамиды, не собирался с нее спускаться. Примерно это я рассказал на прошедшем экзамене с той лишь разницей, что придерживался официальной доктрины и не называл вещи своими именами. В итоге – высший балл. Интересно, хватит ли моих достижений на диплом с отличием? Если да, очень хорошо, ведь он автоматически поднимет меня до статуса Р. А это больше, чем у обычных выпускников вуза, чей ранг всего лишь Q, деньги за работу и меньший страх за свою жизнь и здоровье. И... и

еще это шаг к мечте. Заветной, но почти недостижимой. К черной равнодушной холодной пустоте. К космосу.

— Принято, — проскрипел динамик, после того как молчал почти минуту. — Дополнительный вопрос, не относящийся к общей теме! Охарактеризуйте возникновение расы псевдо-метаморфов и их опасность в настоящее время!

Это еще откуда такая пакость на мою голову свалилась? И каким боком сии сведения относятся к истории?! Натуральная же ксенология! А нас ей даже не учили!

— Мм... это искусственная полубиологическая цивилизация, — вспоминались нужные сведения с трудом. Ну не повторял я их, поскольку по изучению инопланетян простым рабочим глубокие и фундаментальные знания не требовались, их давали лишь в сжатом объеме, вовсе не обязательном для запоминания. Но я, понятное дело, данный предмет изучал углубленно и самостоятельно, а потому сейчас, возможно, даже справлюсь с подкинутым компьютером заданием. — Изначально они представляли собой хищных роевых насекомых, проживающих на планете с большим запасом радиоактивных элементов, неблагоприятным, быстро меняющимся климатом и крайне интенсивной эволюцией. Чтобы лучше охотиться на добычу или отбиваться от более крупных хищников, они перенимали черты окружающего их живого мира. Матки данного вида фактически являются органическими заводами, способными встраивать цепочки ДНК из поглощенной пищи в свои личинки, придавая им те или

иные нужные свойства. Вырастающие из тех рабочие особи могли даже частично или полностью копировать поглощенных существ. Эти твари привлекли внимание куда более развитой расы, ранее владевшей большей частью нашей Галактики. После того, как их развитие искусственно направлялось в нужную сторону в течение пары тысяч лет, данные существа обрели разум. А также усилили способность конструировать на основе своих личинок любую существующую или хотя бы теоретически возможную форму жизни. Когда ее представители копируют собой наделенного интеллектом инопланетянина, то выявить подобного шпиона без лабораторного анализа практически невозможно. А сам он будет не только совершенней подавляющего большинства представителей вида, под который маскируется, но и сохранит возможность ограниченно управлять клетками тела, скажем, вырабатывая нужные ему гормоны, ускоренно регенерируя или изменяя внешность.

Флаер качнуло. Затем внутренности такси огласил тревожный писк, оно камнем упало вниз. Краем глаза я заметил яркую вспышку немного дальше и выше. Видимо, разрыв ракеты или детонация реактора машины, если ее подбили импульсным оружием. В воздухе происходили непонятные разборки и, чтобы не попасть под шальной выстрел, гражданскому транспорту пришлось спешно менять траекторию своего полета. Надеюсь, дополнительную плату за это с меня не стрясут.

– Однако прогресс биологических технологий не оправдал ожиданий. – Война войной, тем более чужая, а отвечать равнодушному искусственному экзаменатору все равно надо. Он ведь, даже если студента сейчас смертельно ранят, просто прождет положенные секунды, а потом отключится. – Живая плоть, даже самая совершенная, не смогла приспособиться к высоким нагрузкам. А они неизбежны не только в сфере освоения космоса, но в тяжелой промышленности, необходимом элементе развитой цивилизации. Потому псевдометаморфы были вынуждены лишь дополнять своими эксклюзивными возможностями стандартные технические решения. Плюс специализированные особи-станки, не говоря уж о более сложных устройствах, редко могли состоять всего из одного разумного. В данный момент ареал расселения их расы находится далеко за пределами влияния человечества, а потому точек соприкосновения между нашими народами почти нет. Однако в галактике к данным инопланетянам относятся подозрительно. Они имеют заслуженную репутацию лучших шпионов и воров, ограниченных в своей деятельности лишь необходимостью периодически контактировать с маткой. А та имеет громадные габариты в десятки тонн и потому может быть легко обнаружена. От этого эволюционного атавизма, доставшегося им от диких предков, роевые насекомые, чей внешний облик и физиология способны в мельчайших деталях повторять иных живых существ, так и не смогли избавиться.

– Принято! – сказал, как плюнул, динамик. – Экзамен истории закончен, корпорация «Знания Метронома» оценивает ваши усилия на высший балл. Благодарим за сотрудничество.

Фух! Я справился! Снова. Надеюсь, в третий раз мне одну и ту же дисциплину пересдавать не придется?

– Благодарю вас за то, что воспользовались услугами компании «Метроном-авиа», – почти нечленораздельно прохрипел разболтанный за годы эксплуатации динамик под потолком, когда такси стало заходить на посадку. – Прошу покинуть салон или выдать новый пункт назначения. Если вы воспользуетесь услугами нашей компании более трех раз за сутки, вам будет предоставлена скидка на последующие заказы в размере...

– Да открой ты уже дверь, железяка чертова! – зло буркнул я, наблюдая поверхность стоянки. Робот, разумеется, меня не послушал и выпустил клиента только после обязательного блока рекламы. Интересно, какой статус надо иметь, чтобы избавиться от прослушивания этой чуши? Теперь осталось только дошагать до дома. Время, конечно, позднее, но родной район – очень тихое место. А как же иначе? Здесь живут в основном семьи ветеранов частных армий разных мелких корпораций. И у каждого автомат. А то и что-нибудь покруче найдется.

Те, кто пережил хаос ядерной зимы, ценил средства самообороны и нападения выше жизни. Чужой. Хотя, времена-

ми, и своей. В первые годы после Соглашения разоружить народ было просто невозможно, за каждой такой попыткой следовал мятеж. А главы корпораций не хотели терять столь медленно восполняющийся ресурс, как люди, оставшиеся в дефиците. К тому же на поверхности оказалось легко найти пусть и радиоактивные, но еще более-менее исправные стволы и боеприпасы, оставшиеся от уничтоженных армий. Чтобы пристрелить врага, а потом отправиться в утиль, они вполне подходили. В итоге, после некоторых раздумий, у населения не стали отбирать опасные игрушки. А пережившие ядерную зиму так красочно расписывали своим потомкам перспективы остаться без последнего довода в жарком споре, что и до наших дней слово «пацифист» является ругательным синонимом слова «самоубийца». Социки не разрешают ходить с оружием наперевес обладателям низкого статуса, но не слишком пристально следят за исполнением этого закона. Жизни расплодившегося быдла не волнуют власть имущих. А уж дома можно вполне законно хранить и вообще почти что угодно, вплоть до наступательных гранат. Такова уж сложившаяся традиция.

Преступники, естественно, такому изобилию рады. Но и их жертвы с пустыми руками не ходят. Хотя, как правило, асоциальные элементы имеют те же самые категории, что и простые люди. Поэтому ассортимент средств, доступных обеим сторонам для силового решения конфликта, был примерно одинаковым. Нельзя иметь на поясе лазер или даже

примитивный огнестрел без как минимум статуса Р? Что ж, остаются ножи, шокеры, разнообразный метательный и ударный инструмент. В умелых руках эти вещи смертельно опасны. Разнообразные средства ведения войны прочно укоренились в людском быту. Сейчас безоружными ходят либо особо радикальные фанатики каких-нибудь сект, либо армейские киборги. Последние за счет одного лишь внутреннего арсенала могут справиться с любыми противниками, кроме бронетехники и своих коллег.

– Я дома! – Мой крик огласил квартиру. Пройти по знакомому маршруту можно было даже с завязанными глазами.

– Как дела?! – Раздался ответный вопль из комнаты, где ютился мой приемный отец. А затем, после едва слышимого шуршания, с которым свернулась развертка голографической газеты, выкатился собственной персоной и ее обитатель. Полюбоваться на вернувшегося условного отпрыска. Кресло, оборудованное шестью механическими ногами, слегка скрипело. Его давно пора менять. Вот только пассажир этого футуристического протеза никак не хотел это делать, не желая расставаться с привычной вещью.

– Ну... – Врать ветерану, пятнадцать лет проливавшему кровь в войнах корпораций и уволенному только в связи с полученной инвалидностью, лечение которой не покрывала страховка, вообще проблематично. А уж если он вдобавок является членом мафиозной группировки и знает вас от и до, потому как сам перевоспитывал, помогая делать первые

шаги в изменившемся мире, то подобное занятие вообще теряет всякий смысл. – Одолжишь десятку на восстановление боеготовности?

– Понятненько, – хмыкнул мой «папаша», правильно расшифровавший следы недавнего боестолкновения на одежде. И сопоставивший их с зияющей дырой на месте осветительной гранаты, вмонтированной в браслет-коммуникатор. – Какой урон понесли сражающиеся?

– С нашей стороны только моральный и перерасход боеприпасов, у бандюков пара ссадин. Жертв и разрушений, к сожалению, нет, – отчитался я.

– Какому недоумку пришло в голову разместить один из корпусов вашего института в трущобах? – раздался из кухни голос сожительницы приемного отца, которую иногда мы с моим проводником в жестоком мире в шутку звали «мамочкой». Но только, когда она была в хорошем настроении. До отставки эта живущая гражданским браком воинственная чета служила вместе. – Голову бы ему открутила!

– Думаю, здесь поработал тот же могучий интеллект, что ставит пары во время, когда некоторые люди уже ложатся спать, – ответил ей ветеран и мафиози.

– И не говори, – поддержал его я. – Знали бы, кто он, этот таинственный недоброжелатель, всем студенческим коллективом скинулись бы на лицензию. И ногами его, ногами... все пять тысяч человек.

– Боюсь, жертва вашего гнева сохнет на первой сотне же-

лающих провести ему агрессивный массаж внутренностей, — тепло улыбнулся старый вояка. — Сдал-то как?

— Как положено, — откликнулся я, решив не сообщать о переэкзаменовке из-за сбоя в компьютерной сети. Ведь все кончилось хорошо, так зачем же загружать близких неприятными подробностями? — А где мелкая, почему не встречается?

— У Лерки она, — взмах рукой в сторону ближайшей стены прояснил ситуацию.

На одной лестничной клетке с моим жилищем располагались еще две квартиры. В одной жил какой-то бухгалтер, а вторую занял такой же, как мой «отец», отставник по имени Валера. Был он типом не самым добрым, да к тому же из тех самых, измененных, с явным уклоном в сторону боевых модификаций. Короче, мутант, в котором железа и микросхем имеется раза в два больше, чем мяса. Плюс все это не слишком-то и замаскировано, торча наружу гидроусилителями, броневыми пластинами и встроенным мини-реактором. Желчь старого солдат так и не смог, но потомства хотел, почему и воспользовался услугами корпорации Биоген, заказав себе дочку. Эта фирма вот уже пятьдесят лет выращивала клонов для продажи частным лицам и мелким корпорациям. Удовольствие иметь созданного искусственным путем, а потому абсолютно здорового ребенка стоило, конечно, дорого, но и результат, по мнению большинства, себя оправдывал. Последствия ядерной войны нет-нет, да и всплывали среди тех слоев населения, кто не мог пройти безумно до-

рогую процедуру генетической коррекции и обладал рядом весьма неприятных болячек.

Младенец, выращенный из смеси ДНК ветерана и имеющегося в распоряжении фирмы материала, был криклив, непомерно шустр и пользовался искренней любовью своего страшноватого папаша. Точнее, это тринадцать лет назад он был младенцем, на пару с моей младшей сестренкой Светой, такой же приемной, как я сам, устраивавшим акустические удары по нервам соседей в ночное время. Сейчас два повзрослевших биологических динамика где-то тусовались на пару или сидели у Валеры дома. Девочкам было по четырнадцать лет, они обе щеголяли одинаковыми светлыми волосами, начинавшими терять угловатость фигурами, меняющимися каждый день прическами и, если бы не цвет глаз, которые у моей сестры были серыми, а у Лерки, как положено блондинкам, голубыми, их бы путали родные семьи. Почти все свободное от учебы и мотания по улице время подружки проводили в квартире Валеры. Жилища у наших семей практически идентичные, но у соседей все-таки места больше по вполне понятным причинам.

– Надеешься на диплом с отличием, – понятно улыбнулся «отец». – Зря.

– Надеюсь, – не стал отрицать я. – Вдруг повезет. Бывают такие случаи, а с годами все чаще и чаще. Корпорациям ведь нужны хорошие спецы во все большем количестве, верно? Так как насчет кредитов?

Кресло взвизгнуло и покатилося в комнату. Чтобы продолжить разговор, пришлось последовать за ним.

– Навряд ли, – покачал головой отец, отвечая сразу на оба вопроса.

Понятно, значит, денег дома, как обычно, нет или почти нет. Что ж, придется пока походить без световой гранаты. Так, а куда я задевал кастеты? Конечно, эффективность у них совсем не та. Да и сощики, если прицепятся, могут впасть штраф или еще хуже, запись в личное дело, но безоружным по улице за пределами относительно благополучных районов не походишь.

Тем временем ветеран, которого одолевали какие-то свои мысли, в задумчивости подъехал к дивану и остановился.

– Ты все-таки хочешь в космос? – спросил он у меня прямо.

– Да. – Ответ и так ему прекрасно известен, к чему этот вопрос? – Там, за пределами официально освоенной человечеством территории, свобода.

– Свобода умирать, – хмыкнул «отец», который за годы, проведенные вместе, успел привязаться к своему необычному отпрыску. – К привычному набору опасностей вроде войн корпораций или банальных бандитов добавляется риск катастроф, нападения чужих и встречи с пиратами. Там ценят в первую очередь тех, кто умеет драться, во вторую инженеров, латающих потрепанные в битвах звездолеты. Все остальное – потом. А ты почти не стрелял по живым мише-

ням и к тому же прискорбно мягковат. Да и руки имеешь, пусть и растущие из нужного места, но отнюдь не золотые. На планете, где не желающих ничему учиться бездельников пруд пруди, еще смотришься выше среднего уровня, но среди звезд таких умельцев на дюжину десятков.

– Сам настоял, чтобы не шел на технические специальности, откуда возможен принудительный набор в армии корпораций Метронома, – отбил атаку я.

– И был прав, – согласился с моими словами он. – Официально тебе двадцать пять биологических лет, и ты еще не подписал ни одного долгового контракта. Ну, кроме как со мной. Практически чистый лист. Никаких обязанностей по нераспространению конфиденциальной информации, которыми можно привязать к территории одной-единственной фирмы. А я в твои годы не мог сорваться с места, не задолжав кучу денег, обязанных уйти на уплату страховки выдуманных рисков той организации, на которую пахал. Лишь перейти в иную ее структуру, сменяв шило на мыло. Несмотря на мое бурчание, у тебя еще есть шансы вырваться из этого порочного круга.

– Да какие они у меня, – тяжело вздохнув, я махнул рукой. И на собеседника, и на свои потенциальные возможности. – Сам знаешь, не с нашей национальностью рваться в верха. Заплюют. Сейчас, конечно, лучше, чем во времена твоей молодости, хоть погромов нет, но в спину все равно косые взгляды бросают.

– Да, – вздохнул отец. – После Войны быть русским опасно. По крайней мере, нас побаиваются задевать в открытую. В основном гадят исподтишка.

– Но масштабно и почти поголовно, – хмыкнул я, и он в ответ кивнул.

Даже в общедоступных документах соглашались с тем, что до Третьей мировой существовали народы, которых подавляющая часть остального населения Земли недолюбливала. Евреи и цыгане. Первым в вину ставили деловую хватку, в более просвещенные времена считающуюся одним из главных достоинств личности. Вторые отличались вороватостью, а она, как теперь известно, тоже порок, однако исключительно в том случае, если взял мало, да еще и попался. Но после Войны представителей этих этносов почти не осталось, а их место прочно заняли мы. Русские. Агрессоры и убийцы. По официальной версии, именно мой народ был тем, кто нанес первые ядерные удары. Вот только взрывы произошли на нашей же территории. В быстротекущей войне с самой населенной страной мира, Китаем, когда превосходство врагов было более чем десятикратным, вряд ли у наших генералов имелся иной способ остановить продвижение орд агрессоров. Против подобной мощи становилось бессмысленным любое противодействие, кроме атомной бомбардировки захваченного пространства. В ответ на наши города полетели ракеты, причем не только от врагов. Значительную часть боеголовок адресовали России вроде бы абсолютно посторон-

ние страны, поначалу занявшие нейтральные позиции в конфликте. В Китай они, впрочем, тоже отправили не один десяток атомных гостинцев. Наверно, решили поймать двух зайцев сразу, прикончив молодого дракона, пока страшная пасть чудовища пытается пережевать дряхлого, но все еще сопротивляющегося медведя. И командование войсками, нашими и вражескими, мгновенно установив перемирие, запустило почти все, что у них оставалось, в ответ.

Ну а потом начался апокалипсис. Пережили его немногие. Но среди них оказался достаточно высокий процент русских иммигрантов, которых условия существования на исторической родине, по климату мало отличающиеся от последствий ядерной зимы в более теплых широтах, отлично приспособили для выживания. Да и окружающие народы своей агрессией помогли сохранить нацию, не дав разбежаться в стороны ее представителям. В самой России, к сожалению, не выжил почти никто. Бункеров для населения там строили мало, и сосредоточены они оказались в крупных городах, которые бомбили очень старательно, именно в расчете на них. Небольшие поселения, не попавшие под атомную бомбардировку, просто вымерзли или погибли голодной смертью. Громадные расстояния между оазисами жизни сильно препятствовали торговле. А она в те годы была кровью цивилизации.

Мой родной, по документам, город Метроном являлся одним из самых русскоязычных городов Земли. Один русский

на пару сотен представителей других наций. Территория, где он находится, раньше называлась Египтом, и был здесь крупный курорт, несмотря ни на что всегда полный отдыхающих. Которым в один ужасный день стало просто некуда возвращаться и пришлось осваиваться на чужой земле. Люди, желавшие выжить, сплотились в жесткие группировки, и почти всегда они оказывались объединены в них по принципу землячества. То есть каждый поддерживал соседа, друга и родственника, в силу частичного пересечения этих трех позиций и надежды при проблемах самому получить помощь. Но моим соотечественникам пришлось хуже всех. В наступившей беде винили в основном их. А когда ценность человеческой жизни падает до нуля, уцелеть при таком раскладе становится делом весьма проблематичным. И кровавым.

До Войны русский народ считался относительно миролюбивым, чтобы разозлить его представителей, надо было приложить немало усилий. Не зря прижилось сравнение с медведями, в сытом состоянии зверями весьма благодушными и ленивыми, хоть и могучими. А после атомной войны злить представителей почти исчезнувшего этноса мало кто решался. Менталитет нашего народа таков, что если уж дела идут предельно плохо, то начинаются не битвы, а боины. Те, кто пытался связаться с моими соотечественниками на заре новой цивилизации, очень быстро погибали. Чтобы не быть смятыми ордами паниковавших людей, видевших в них врагов, русские стали самыми жестокими существами в подзем-

ных городах-убежищах. Нас ненавидели и боялись, но не уничтожали. Иначе своды убежищ рушились взрывами, резервуары с водой травились, а через вентиляцию внезапно и незаметно начинал дуть радиоактивный ветер поверхности, не разделяющий правых и виноватых.

А еще русские, если верить сохранившимся в семье приемного отца хроникам, ведомые генетической памятью, быстро соображали, как можно утеплить стены в мороз. Умели превратить жалкую крысу в бульон, которым можно накормить сразу пять человек. Среди русских оказался велик процент тех, кто имел представление не только о торговле, но и о реальной работе своими руками. Врачи моей исчезнувшей родины как-то умели обходиться без сложных приборов и синтезируемых из отсутствующего сырья лекарств. В общем, с точки зрения правителей бункеров, являлись весьма полезными кадрами: рукастыми, головастыми, неспособными взять власть по причине плохих отношений с остальным населением. И такая картина наблюдалась почти везде, где анклав, образованные туристами и иммигрантами, уцелели.

Когда ситуация на поверхности более-менее нормализовалась, репутация этноса, к которому я принадлежу, не изменилась. Русских ненавидели, а они не собирались поддаваться и потому, как могли, вооружались, не прощая обид и крепко держась друг за друга. Забавно, но самой России давно нет, а русская мафия осталась, и входит в нее практиче-

ски каждый четвертый представитель нашего народа. Впрочем, мафия эта имеет скорее не криминальный характер, а является неким подобием круга по работе и интересам. Следовательно, близка к каноническому смыслу этого слова, если не ошибаюсь, обозначавшего изначально «семья». За четыре века у моего народа сложилась своеобразная репутация и специализация. Военное дело, наемники и младшие исполнители Социальной Службы – вот отрасли, в которых русских не только терпели, но и ценили. И всеми правдами и неправдами старались их туда загнать. Корпорации почти любили бойцов, отличающихся высоким моральным духом и имевших не так много мест, где отступники могли бы спрятаться.

– Учись, – прервал свое молчание «отец», занимающий в той части русской мафии, которая базировалась в Метрономе, далеко не самый низший пост. Впрочем, и не высший. Инструктор по стрелковой подготовке и одновременно хранитель культурно-исторического наследия – птица невысокого полета. Того, что ему платят в нашем национальном профсоюзе за работу, едва хватает на содержание сожительницы, меня и мелкой. Даже с пенсией. А вот гражданская женушка отца сейчас вообще ни кредита домой не приносит, все ее сбережения за время молодости хранились в банке, лопнувшем через два года после того, как я обзавелся второй семьей. Ну, по крайней мере, верхушка данной организации не сбежала, разорившиеся вкладчики наскребли мелочи до-

статочно, чтобы промотавшие их денежки финансовые махинаторы отправились после визита Социальной Службы в мир иной, причем весьма болезненным способом. – Высшее образование очень поможет тебе в жизни, жаль, что у меня его в свое время не было. Когда у вас выпуск?

– Скоро, – пожал плечами я. – Чуть больше месяца осталось. А при чем тут это?

– Узнаешь, – ответил с таинственной улыбкой ветеран и мафиози, хранивший в своей голове наверняка не одну тайну. Как я ни пытался расколоть приемного родителя, больше от него ни в тот день, ни в последующие так ничего и не добился. Все-таки жаль, что он и «мамочка» неспособны к оставлению собственного потомства, какой генофонд пропадает... В молодости сожительница «отца» попала под воздействия нелетального, но очень эффективного биооружия. Ее спасли, но результат – стерильность. А у «папаши» точно такой же диагноз был вызван механическими причинами. Ему нижнюю часть туловища и ноги испарило выстрелом стационарного лазера. Выжил чудом, да и то лишь потому, что оказался в том бою единственным раненым, и у врачей было время возиться со столь тяжелым пациентом. В общем-то, на почве невозможности иметь общих детей они и сошлись когда-то.

На этом размышления о причудливых особенностях моей второй семьи были прерваны зовом пустого желудка, и я отправился на кухню за ужином. Какой бы прогресс или ма-

разм науки и техники ни был за окном, а кушать все равно хочется. Всем. Всегда. Ну, по крайней мере, с интервалами от трех до двенадцати часов. Именно поэтому при поступлении в институт я выбрал специальность инженера по гидроронике, которая после Войны прочно заменила традиционное сельское хозяйство. Без работы такой специалист окажется не раньше, чем исчезнут голодные рты. То есть одновременно с окончательным концом человечества.

Все оставшиеся экзамены, пролетевшие чередой, закончились ожидаемым высшим баллом. Я практически уверился в том, что получу желанный диплом с отличием, и стал потихоньку подготавливаться к празднику, закупаясь в магазинах для праздничного стола. Увы, мечты разлетелись вдребезги, стоило лишь перечитать списки тех, кто удостоился подобной чести. Обидно. Столько старался, и все зря. А может, все-таки удастся что-то сделать? На запрос, посланный центральному компьютеру института, объединявшему в своем электронном нутре большинство сопутствующих образовательному процессу служб, был прислан однозначный ответ: я не прошел по среднеарифметическому баллу. Хотя вроде бы получал низкие отметки весьма редко.

Пересчет оценок, показатели которых с первого курса заботливо копировались в особую папку своего наладонника, показал весьма интересную картину. Если законы математики не изменили вышестоящим решениям, то кто-то тут врет. Ну, видимо, это делаю я, тративший по пять ми-

нут в день на подведение его итогов. Главный механический мозг института, настолько мощный, что от искусственного интеллекта его отделяет только набор запрещающих самостоятельную деятельность директив, и чье ежегодное лицензирование стоит больше, чем квартира моих приемных родителей, ошибаться не может по определению. По определению тех, кто создает для него программы, то есть хозяев высшего учебного заведения. А никаких бумажных документов с подписями и печатями, способных сыграть роль доказательства, ныне не существует. Никто не переводит дорожную бумагу на такие мелкие нужды, ведь давно известно о преимуществах электронного хранения информации. А многочисленные сбои в их работе, столь удобные для подтасовки данных, – лишь трагические «случайности». Плановый форс-мажор. Дальнейшее разбирательство бессмысленно, а «отец» все-таки трижды прав, не с моей анкетой идти официальными путями. Не нужны такие, как я, среди высокочеловеческих специалистов. Корпорациям, считай, человечеству, не нужны.

Выпуск прошел как-то серо и буднично. Обидно. Почти так же, как за диплом. После трех лет мытарств ожидал большего. Какой-то торжественной церемонии, может быть, даже пафоса. А получил в итоге пшик, больше всего похожий на процедуру ожидания рейса на хорошем вокзале.

Получасовая толчея в фойе главного корпуса, несколько скрашенная ритуальным столом с бесплатным набором вы-

пивки и редкими вкраплениями закуски. Очень редкими, да так и оставшимися нетронутыми. Видно, даже самых отчаянных любителей халявы отпугнула пыль, осевшая на еду от длительного хранения. А вот алкоголесодержащие жидкости с возрастом, как известно, не портятся, да и вообще протухнуть не успевают. Но, наконец, все необходимые для церемонии вручения аттестатов персоны собрались. Недлинный строй моих сокурсников сжимал в руках традиционные для нашего учебного заведения подарки, в роли которых выступали чеки на предъявителя, где красовалась не менее чем четырехзначная сумма. А еще строй этот, благодаря обильной предварительной заправке высокоградусным топливом, колебался под невидимыми порывами гравитационного ветра, словно стрелки высокоточных приборов. Но официальные взятки все держали твердо, не отдашь денег, не получишь диплом и придется весь процесс образования начинать сначала. Или судиться с дальними родственниками администрации Метронома, всегда готовыми выжать из осмелившихся заявить на них простых смертных компенсацию за моральный ущерб.

Почти каждый из новоиспеченных специалистов по гидропонике мог своим выдохом обеззараживать хирургические инструменты, настолько выпускаемые их организмами пары были напитаны химическим соединением на основе углерода, водорода и кислорода, известным под названием «спирт». Ректор не пришел. Мы были уже пятым выпус-

ком на этой неделе, и у него не хватило здоровья отпраздновать новое поступление в свой карман. Его зам, явившийся, чтобы проводить нас в последний по альма-матер путь, мог своим перегаром убивать живых и воскрешать мертвых. Декана, имеющего от полученной суммы определенный процент, было опасно подносить к источникам открытого огня. Два мелких чиновника Социальной Службы, закрепляющие в своих базах данных наш новый статус, старались улыбаться, но получалось у них плохо. В руки каждому из нас дали корочку с нагрудным знаком в виде логотипа института, в планшете, соединенном электронными цепями со всепланетной информационной сетью, сделали отметку. Пискнул браслет-коммуникатор, приняв подтверждающее сообщение. Вуаля, вот я уже могу причислить себя к категории Q.

– Старший рабочий, – промелькнула невеселая мысль в голове. – Немалое достижение. Эх, мог бы я раньше подумать, что окажусь на целых три ступени выше раба двадцать пятого столетия?

События последних лет, выстроившись по порядку, промелькнули перед моими глазами.

Глава 2

Тонкие ножки, переходящие в упругую аппетитную попку, стали удаляться от меня, обиженно цокая каблучками. Все это великолепие было с немалым трудом затянато в тонкие черные штаны, отлично гармонирующие с черной же курточкой, принципиально не застегивающейся на высокой груди. Хозяйка всего вышеперечисленного еще раз обернулась, блеснув омутами бездонно-синих глаз, и слегка хрипловатым голосом громко, на весь класс, заявила:

– Хам!

И гордо удалилась на поиски следующих жертв. Ее тонкая шейка, украшенная черным ажурным ожерельем, подозрительно напоминавшим ошейник, гордо несла прелестную головку с роскошной копной светлых волос.

– Оля ничуть не изменилась, – с легкой улыбкой сказал мне мой лучший друг Александр, единственным минусом которого была слишком уж необычная работа. Она вынуждала его девяносто процентов времени проводить черт-те где. Зато все его приятели могли похвастаться тем, что знакомы с самым настоящим космонавтом. Третьего эшелона, правда, ни разу на орбиту не летавшего. Но теоретически вполне способного одним прекрасным днем отправиться в полет, если основные кандидаты на подобное турне исполнить свои обязанности не смогут по неким техническим причинам. Из-

за его профессии мы с ним виделись намного реже, чем хотелось бы. К примеру, эта встреча была первой за последние полтора года. Хорошо, что электронной переписке и звонкам это не мешало.

– Все так же красива, загадочна и порочна, – тихим шепотом подтвердил я, с некоторым удовольствием провожая пятую точку симпатичной молодой женщины глазами. – А помнишь, как мы из-за нее дрались?

– А то! Первую любовь не забудешь, – подтвердил мой друг. – А уж если она едва не насмерть поссорила двух лучших друзей, почти близнецов-братьев и, дождавшись их драки, сбежала со старшеклассником... В общем, эти впечатления останутся самыми яркими мазками в картине памяти. Но, согласись, Игорь, красивая же стерва.

– Угу, слюнки так и текут, – вздохнул я, демонстративно сглатывая. – Были бы мы не знакомы, уже мел бы перед ней хвостиком.

– Да ну? – не поверил моей игре Александр. – А чего ж тогда так грубо отказался от почти не закамуфлированного предложения послать эту унылую тусовку к чертям и проследовать в ее постельку?

– Не люблю целоваться со змеями, – страшным шепотом выдаю свою тайну. – Да и потом, ничего нового на ее обнаженном теле я бы не увидел. Максимум лишнюю морщинку, которой не было полтора десятка лет назад. Но это вряд ли. Думаю, о внешности наша светская львица заботится лучше,

чем ты о своем скафандре.

– Ого! – восхищенно присвистнул Леха. – Когда ты успел? Не в седьмом же классе, в самом деле. Или все-таки?..

– Да нет, на выпускном проводил ее до дома, – опроверг порождения его буйной фантазии я. – Где никого не оказалось. Не сменил бы школу в десятом классе, глядишь, ты и сам бы выполнял в ту ночь тяжкие обязанности постельной грелки.

– Ну что я мог поделаться? – развел руками мой друг. – Ты же знаешь, служба. Отца как раз на три года переводили на Дальний Восток. Как мы с мамой могли его одного оставить? А стоило ему на прежнее место вернуться, и я сразу в училище отправился. Но чего ж ты тогда отказался? Или не понравилось?

– Все было просто супер, – заверил приятеля я. – Вот только знаешь ли ты, на какие деньги она развела Иннокентия? Ну, толстенького такого еврейчика из параллельного класса, с которым под ручку гуляла после того, как дала от ворот поворот тому одиннадцатикласснику, к которому сбежала от нас?

– Помню, ты рассказывал, – кивнул Александр. – На те алименты можно в космос спутник запустить. Но тебе же предлагали не жениться, а просто скрасить ее одиночество...

Наша давняя любовь поцеловалась со своей старой подружкой, пришедшей, подобно остальным, на встречу выпускников. И, как мне показалось, ей стоило немалых усилий слег-

ка коснуться щеки девушки, а не впиться ей в губы. Оля-Оля... что ж ты делаешь, сволочь, зачем так флиртуешь с ее мужем, тебя же сейчас прямо на парте изнасилуют.

– Я понимаю, что приманка вкусная и не отравленная. – Мои глаза жадно ловили перемещения обсуждаемого объекта, буквально вбивающего всю мужскую половину в ступор своим присутствием. – Но знаешь, блеск зубьев капкана и запах крови как-то настораживают битого жизнью зверя...

– Тогда оторви, наконец, взор от ее штанишек, под которыми наверняка ничего нет! – велел друг, требовательно дергая меня за рукав. – И скажи, ты что, все-таки развелся?

– Почему все-таки? – Не люблю вспоминать о прошлом. – Давно к этому шло. А как ты узнал?

– Такие характерные блестящие глаза бывают только у очень голодных людей, видящих холодильник, – озвучил извилистые пути мыслей в своей голове Алекс. – А ты ими Олю буквально пожираешь.

– А сам-то? – хмыкнул я, не отрываясь от интригующего зрелища. – Я хотя бы пробовал создать ячейку общества, пусть и неудачно. А вот один знакомый мне тип этого долга старательно избегает. Когда, наконец, смогу отомстить тебе, полчаса крича «Горько!» с интервалами в пять секунд?

– У меня уважительная причина оставаться холостым, – хмыкнул профессиональный космонавт. – Не хочу с орбиты наблюдать за появлением в семье негритят.

– Смотри, Александр, нам с тобой уже тридцать с хвостом

ком, еще немного, и останется только сожалеть об упущенных возможностях, – напомнил ему очевидную истину я. – Кстати, когда тебя уже спишут? В такие годы, по-моему, даже пилотов обычных самолетов к пенсии по выслуге лет готовят. Да и вообще график у сидящей здесь хитрой морды какой-то подозрительный, то по полгода носа не кажешь, а то на месяц в квартиру к родителям заселяешься.

– Покой нам только снится, а много будешь знать, скоро состаришься, – отшутился, как всегда, на вопрос о работе Александр, связанный кучей подписок о неразглашении. – Хм, показалось, или я слышал чей-то приглушенный вскрик? Неужели кто-то решил припомнить ощущения от близкого общения на подоконнике?

– Эээ... – Мои глаза зашарили по толпе бывших одноклассников. – Кажется, все наши девочки здесь. Преподавательницы полным составом тоже, хотя среди них никого моложе пятидесяти нет.

– Но какой-то подозрительный звук точно был, – настаивал Александр, и тут в мою голову чем-то больно стукнуло, вызвав локальный конец света.

Приходил я в себя долго и, кажется, неоднократно. Сознание то концентрировалось на окружающем пространстве, то вновь начинало скакать по неведомым далям, сбиваясь на мысли о вонючем общественном туалете и почему-то об Оле. В один из моментов просветления понял, почему. Прямо передо мной лежали ножки, которыми совсем недавно любо-

вался каждый мужчина на встрече выпускников. Только они, и ничего больше. Их хозяйку, которую я когда-то жаждал всеми фибрами своей души, неведомая сила разорвала пополам, и теперь нижняя часть трупа валялась практически у меня перед носом, источая ароматы бойни и выгребной ямы. Щегольские черные штаны были забрызганы продуктами пищеварения.

– Игорь, ты живой? – голос Александра сопровождался оглушительным треском над ухом и сильным рывком, от которого меня незамедлительно вырвало еще раз. Когда, наконец, глаза сфокусировались, то они не сразу поверили увиденному. Мой старый друг прятался за нелепым завалом из парт, где помимо него находилось несколько наших бывших одноклассников, часть из которых была ранена. А еще он палил из пистолета в сторону громадной дыры в стене. В спину мне упиралась обломанная ножка парты. В разгромленное помещение с гортанными возгласами на непонятном языке заглядывали многочисленные фигуры в черных масках, камуфляже и с какими-то короткими автоматами в руках. Но они почему-то не стреляли. Оружие приятеля явно не могло остановить такую волну нападающих. Однако с этим сносно справлялись два человека, одетых в униформу дворников, буквально заливающих противника огнем. Кажется, я их видел при подходе к зданию школы, они двор подметали. Стоп, а что с Олей? Мне показалось, или...?

Взгляд, брошенный на место, где я только что лежал, сно-

ва вызвал дурноту. Сомнений не было. Моя и Александра первая любовь мертва. Верхняя часть тела Ольги лежала чуть дальше, вместе с тем, что ее отсекло, громадной, покрытой кровью арматуриной, наверняка вырванной из стены вырубившим меня взрывом. Который, тем не менее, не нанес помещению значительных разрушений, словно был грамотно рассчитан и направлен всей своей мощью исключительно на уничтожение определенной цели. Если не считать дыры в стене и тех, кому выпала злая доля стоять рядом с ней, то класс даже ударной волной особо не повредило. На смену растерянности и ужасу пришла злость. Чувства, казалось бы, давно забытые и похороненные, вновь шевельнулись в моей душе, наполнив ее жутким гневом, в руку сама собой легла отломанная ножка парты.

И тут часть потолка обвалилась. Просто рухнула, и все, явив взгляду небольшое отверстие правильной формы примерно полтора метра диаметром. Оттуда, словно обезьяны, упали два типа в масках. И свалились они почти на голову Александру, которого немедленно повалили на пол и стали опутывать непонятно откуда взявшейся сетью.

– Сволочи! – только состоянием шока можно объяснить то, что я так глупо подставился, встав во весь рост и бросившись на них. И, естественно, идиота, ведомого порывом неистового бешенства, подстрелили. Но уже после того, как ножка парты проломила череп ближайшему типу. Не уверен даже, что попали в меня не «дворники». Слишком уж много

летало свинца по такому маленькому помещению, рикошета от стен. Мир примерно на третьем или четвертом шаге после того, как в спину мне вонзилось огненное жало выстрела, вспыхнул алым цветом и погас, как выключенный экран компьютера.

Когда в темную бездну небытия, в которую мне пришлось провалиться, начал проникать свет, я смотрел на него равнодушно. Чувства еще не включились, и разум тоже не работал. А когда они наконец начали функционировать, то даже и мысли о рае не возникло. Вряд ли в загробном мире имеется такое количество хитрой аппаратуры, нависающей со всех сторон. И одну знакомую рожу туда точно не выпустят.

– Так и знал, что ты не космонавт, – разлепил губы я, увидев прямо перед лицом прозрачный щиток и знакомую личность сразу за ним. Короткая фраза отняла все силы, и пришлось некоторое время просто лежать в агрегате, изнутри похожем на томограф, любуясь на преобразившегося Александра. Мундир с непонятными погонами, пехоту не отличу от саперов, но совсем не мелкими звездами на плечах, явно давал понять истинную картину произошедшего. Интересно, чем таким на самом деле занимается бывший одноклассник, рожденный в семье профессиональных военных? Бригаду захвата абы за кем не пошлют. Криминал собственные знаки различия, кажется, пока на одежде не носит. Частные лавочки тоже. Остается лишь государственный аппарат. Разведка? Контрразведка?

– Из нас двоих мозги всегда работали лучше у тебя, – вымученно улыбнулся мой друг. – Вот только цели они ставили себе совсем не те, что надо. Разведен, на работе получаешь копейки, детей нет...

– Можно подумать, у тебя есть, – перебил я его, не желая слушать свою полную биографию.

– Двое, – последовал лаконичный ответ.

Видимо, знак вопроса возник у меня на лице так явно, что Алекс пояснил:

– Женился еще пять лет назад. Тебе не говорил, уж извини, сложно было бы объяснить, кем она работает, и где мы познакомились.

– Ну, тогда передай своим деткам-шпионам от доверчивого друга их папаши, который почти верил в байки про космонавтику, пламенный привет! – хохотнул я и поморщился. Спину прострелило. Не в прямом смысле, конечно, но ощущения были почти как в прямом. По щеке скатилась капля холодного пота.

– Болит? – немедленно обеспокоился Алекс.

– Очень, – сознался я и попробовал смахнуть щекочущую помеху. Но рука не двинулась. Правая. И левая тоже.

– Что с тобой?! Врача! – уже почти прокричал мой друг, видимо, что-то понявший по моим гримасам.

– Да нет, все нормально, – поспешил успокоить его я. – Просто тело у меня, как неживое, видимо, от наркоза не отошло. Куда мне, кстати, попали и кто это был?

Леха открыл было рот, но почти сразу же его закрыл. Вспомнил, что уж кто-кто, а я всегда могу понять, когда он врёт. Все-таки почти всю начальную и среднюю школу вместе с ним куролесили, совместно стараясь выкрутиться и избежать последствий наших развлечений.

– Плохо? – ответ прямо-таки светился на его физиономии большими буквами. Беспокойство шевельнулось в душе, но почти тут же угасло. Я жив. И мои близкие живы. А остальное поправимо. Олю, конечно, жалко, но, если подумать, кто мы друг другу? Да никто. Таких любовников у блиставшей красотой девушки насчитывались пачки. Одноклассников, и то, наверное, меньше. А для меня она уже давно стала воспоминанием, печальным и приятным одновременно, которое в тот злополучный вечер выпускников я вдруг увидел вживую.

– Ну, вообще-то в новостях напавших на здание школы объявили простыми террористами, – начал рассказывать мой друг. Тревожный звоночек снова заголосил и превратился в набат. – Но по секрету могу сказать, что командовали ими агенты одной не очень-то дружащей, во всяком случае, реально, а не на словах, с нашей страной державы. Им почему-то жутко хотелось захватить до безобразия значимую, но совсем не публичную фигуру, которую ты видишь перед собой.

– Сколько мне осталось? – прошептал я враз пересохшими губами.

Алекс, вернее нет, уже давно Александр, да еще навер-

няка называемый подчиненными не иначе как с отчеством, осекся.

– Такие сведения носят гриф «для служебного пользования». В лучшем случае, – озвученные выводы не придавали оптимизма. Напротив, заставляли паниковать. – И если такой матерый зубр, как ты, не выболтавший ни слова даже человеку, которого знал как облупленного десятки лет, делится ими, то это означает только одно: разгласить их я не успею при всем желании.

– Голова у тебя всегда была светлая, – вздохнул друг. – Ладно, слушай исповедь моей жизни, раз уж такой случай излить душу представился. Я на самом деле ни в какое училище не пошел... вернее, пошел, но не в то, о каком говорил. Профильное. По линии деда. А он у меня, если ты не помнишь, еще в КГБ работал. Военные разработки СССР охранял от любопытных глаз. Я, можно сказать, продолжил его дело, только продвинулся дальше. Шагал по карьерной лестнице семимильными шагами. Теперь вот, фактически, отвечаю за безопасность половины секретных лабораторий нашей страны. И травлю разным лопухам байки про космический резерв. Хотя и с этими ребятами очень хорошо знаком. Ты, кстати, сейчас лежишь в одном из подчиненных мне учреждений.

– Мне после такой порции гостайн и палаты, похожей на центр высоких технологий, светит подписка о неразглашении лет на двести? – хмыкнул я, чувствуя, что влип во что-

то не просто серьезное, а очень серьезное. – И, кстати, ответишь в конце концов на вопрос о состоянии здоровья одного известного тебе больного. Или мне врачей позвать?

– Да смысла нет, – пожал плечами Александр, отвечая непонятно на какой вопрос. – Через неделю сам сдохнешь.

Я ухмыльнулся было, но наткнулся взглядом на печальные глаза друга, всегда бывшего записным оптимистом. И они сказали мне лучше всего, что страшная новость правдива.

– Ты шутишь, – сознание упорно отказывалось верить. – Я себя чувствую, конечно, весьма паршиво, но не до такой степени.

– Ты лежишь в экспериментальном комплексе интенсивной терапии, – кивнул глазами на странное устройство, окружающее меня со всех сторон, Алекс. – Машинка дорогая, высокотехнологичная и многоцелевая. С тем же успехом может спасать жизнь и здоровье или калечить. Одной не очень документируемой функцией всего этого комплекса является возможность допрашивать шпионов, захваченных с тяжелыми повреждениями или пытавшихся совершить самоубийство. Их и твое состояние в целом совпадает. Пуля в основании шеи, которую ты, друг мой, словил, ставит крест на самостоятельном дыхании и еще куче жизненно необходимых функций. Конечно, есть и плюсы... К примеру, все, что у тебя ниже плеч, можно оперировать без наркоза, сигнал боли по оборванным нервам до мозга просто не дойдет. Если бы

у одного из моих телохранителей расширенного комплекта первой помощи с собой не оказалось, ты бы вообще прямо там, на месте, коньки отбросил. А так можешь и дальше существовать, но уже на искусственном жизнеобеспечении. И даже быть в сознании при условии помещения тебя в подобный комплекс. Но вот беда, я хоть и весьма могущественная шишка в нашей госструктуре, но отнюдь не всемогущая. И долго занимать секретную технику тебе не дадут. А без нее – растительное существование при стандартном аппарате искусственного жизнеобеспечения и полном отсутствии сознания. В лучшем случае. Сейчас никто на Земле подобные травмы не вылечит.

– Так за каким дьяволом ты притащил меня сюда? – растерянность сменилась злобой. – Усыпил бы потихому, и все дела! Все равно мне завещать почти нечего. Особенно тебе!

– Если бы шансов не было совсем, так бы и сделал, – сознался Алекс. – Но, как ни крути, ты пострадал по моей вине, да и друзей у персоны моего положения не много, так что я напряг свой мозг и нашел одну лазейку. О анабиозе знаешь? За рубежом некоторое количество больных толстосумов подобным образом уже законсервировали, а у нас программа только разворачивается. Сейчас как раз идет тестовый прогон. И я могу тебя в него впихнуть.

– Бак с жидким азотом? – Идея, мягко говоря, не показалась привлекательной. Впрочем, альтернатив, во всяком случае, приемлемых, кажется, не имелось. Нет, конечно, можно

потянуть время и надеяться на чудо, но вряд ли какой-нибудь ангел небесный вдруг возьмет и сжалится над закоренелым атеистом. – Ты думаешь, это выход?

– То, о чем ты говоришь, это просто очень дорогая могила, – покачал головой Алекс. – А настоящие камеры, где организм замедляет свою жизнедеятельность почти полностью, работают совсем по-другому. Не спрашивай меня, как, я не биохимик, чтобы разбираться в процессе. Знаю лишь, что там вместо раствора, куда плюхается консервируемая тушка – сложный коктейль из нанороботов, почти не нуждающихся в подпитке из внешней среды. Да и сам контейнер для тела сделан из умного металла, поглощающего нужные ему вещества из окружающей среды и способного служить едва ли не вечно. Первоочередное назначение этих саркофагов, если верить документам, а не реальному положению дел – сохранение жизни экипажа космического корабля, ковеляющего к звездам и обратно лет эдак с тысячу.

– Успешные испытания были? – спросил я, пребывая в растерянности. Вечные материалы. Ну, почти вечные. Невероятно, до чего человечество дошло. Ха, думается, когда технология перейдет из разряда элитных и очень дорогих в разряд повседневных, многие производители различного ширпотреба обанкротятся. Зачем покупать новые шмотки, если старые еще не сносились и выглядят точно так же, как лежащие на полках магазина? И, может быть, на дорогах, наконец-то, появится асфальт, на тающий с приходом весны

раньше утекающего в канализацию снега.

– Да, – кивнул мой друг. – Если провести всю процедуру правильно, то вернуть объект к исходному состоянию чрезмерного труда не составит. Правда, не могу назвать срок, на который тебя придется заморозить. Черт его знает, когда такое лечить научатся, может, лет через двадцать или тридцать? Но не в ближайшие десять, в этом тебе как человек, разбирающийся в новейших разработках, в том числе медицинских, могу дать гарантию. Так ты согласен на визит в криокамеру?

– А у меня есть выбор? – хмыкнул я. – Только вот родителям какую-нибудь убедительную легенду придумать надо, поскольку разработка секретная.

– Все уже сделано, – грустно улыбнулся Александр и, подойдя к щитку напротив моего лица, чем-то щелкнул. – И, кстати, этот комплекс интенсивной терапии уже сейчас тебя к заморозке готовит. Так что спи, Игорь... Увидимся в будущем.

«Не соврал, шпион недоделанный, – подумал я, проваливаясь в темноту после легкого жужжания, сопровождающегося уколom в висок. – Не знаю, как допрашивать, а усыплять эта машинерия умеет здорово».

Против ожидания, полное забвение не наступило. Какие-то тени окружали меня со всех сторон, спрашивали, переспрашивали, заставляли вспоминать всю прошедшую жизнь едва ли не по секундам. Они непрестанно уточняли

некоторые детали, им по какой-то причине очень и очень любопытные. Я уже начал подозревать, что действительно умер и попал в загробный мир, но почему-то странные, нечеткие и расплывающиеся собеседники, увидеть которых не получалось, активно протестовали против высказывания мною подобных догадок и снова вели свои расспросы. Вот же заразы любопытные попались, даже сдохнуть спокойно не дадут! Но потом, в один прекрасный момент, они ушли, оставив после себя лишь пустоту и почему-то аромат коньяка. А когда и он пропал, пришла боль.

Болело все. Казалось, по телу снует сразу сотня мелких тараканов с очень острыми лапками, которыми они немилосердно царапают мою многострадальную тушку. Каждая жилочка дрожала от попеременно накатывающих обжигающе горячих и столь же обжигающе ледяных волн. Плюс почему-то не работало зрение, хотя веки, кажется, были подняты. Но уши исправно доносили до мозга обрывки каких-то странных фраз, вроде и русских, но с ускользающим смыслом и интонацией. А в нос били запахи, наводящие на мысли о разлившейся коллекции химикатов.

– Ой, е! – то ли вслух, то ли про себя простонал я, чувствуя, что умираю. – Вашу мать, айболиты, вам чего, наркоза жалко? Ведь загнется подопытный кролик перед заморозкой!

Кажется, моя речь достигла адресатов. Невидимые врачи чего-то залопотали, кто-то, кажется, с грузинским акцентом,

отчетливо помянул чью-то мать. Волны холода и жары прекратились. А вот еле чувствуемые уколы по телу заметно усилились. Э... а как я их чувствую? Если верить Александру, я не должен ничего чувствовать, пока позвоночник не починят. Стоп! Я уже в будущем? Оттаиваю?!

И тут меня ударили. Больно. Куда-то в район сердца. Сознание снова померкло.

«Ну и бред же мне приснился», – подумал я, проснувшись и рассматривая потолок. Незнакомый. Ребристый. Слегка светящийся.

– Объект пришел в себя, – спокойно констатировал чей-то механический голос над ухом.

– Что сделал? – машинально переспросил я, пытаюсь пошевелиться. Безуспешно. Тело к кровати, на которой лежало, было примотано десятком ремней-фиксаторов. Хорошо хоть одежда имелаась в виде непонятной пижамы с высоким воротником.

Над моим лицом склонилась чья-то физиономия. Слегка небритая и пахнувшая перегаром. На врача не похожая ну вот совершенно. Разве только на патологоанатома. Похмельного. И очень крупного, такого, что гроб вместе с лежащим в нем трупом одной рукой подымет. Даже металлический.

– Ну, здравствуй, Игорь. Ха, странно говорить с мэном, который в пять раз старше моего грендвазер, – изрек он и, видя выпучившиеся в непонимании глаза, уточнил: – Ну, во всяком случае, если ты правильно назвал дату криоконсер-

вации. Так какая числа имела место быть?

– Э... – замялся я, пытаюсь пошевелиться и понимая, что, о чудо, здоров. Во всяком случае, руки и ноги чувствовались. И даже, вроде бы, сгибались в положенных от природы местах на те миллиметры, которые позволяли ремни. – А черт его знает, я больницу после попадания пули в шею плохо помню.

Теперь уже завис «патологоанатом».

– Уас? – переспросил он, и пришлось повторить сообщение. Но понимания с обеих сторон это не добавило.

Примерно с полминуты мы ошалело пялились друг на друга, но потом он хлопнул себя по лбу и чем-то щелкнул. Ремни ослабли, и я наконец-то, впервые, за черт знает сколько лет, смог сесть. Уже неплохо, если подумать. Тепло, светло, еще и живой вдобавок. Не соврал Алекс, замерзнуть и оттаять можно. Наверное. Сути этой самой криоконсервации я так и не понял.

– Спасибо, – поблагодарил я своего не совсем понятного врача, растирая почему-то вдруг зачесавшуюся шею. Пальцы наткнулись на громадный шрам, а глаза сами собой попытались обшарить с ног до головы «патологоанатома». Но не сумели. Ног у громадного мужчины средних лет не было. Был гибрид тележки из супермаркета с каким-то механическим осьминогом.

– Та не за што, – ответил мне с непонятным акцентом вне всяких сомнений настоящий киборг и протянул руку, слава

богу, оказавшуюся нормальной. – Петр.

«Оригинальные пошли апостолы, – ошалело подумал я, чувствуя, как ладонь сжимают стальные тиски. – С гидравликой. И, если меня глаза и нос не обманывают, слегка под этим делом».

Вот так я и попал. В будущее. Без возможности возврата, ибо машину времени пока не придумали. И оказалось это будущее совсем не радостным. Разговаривать нам с Петром было сложно, но можно. Русский язык за века моей вынужденной изоляции изменился довольно сильно, но еще был узнаваем. К тому же англицизмы, которых в нем появилось очень много, благодаря учебе в институте, оказались мне, в большинстве своем, понятны. Человечество объединилось, вышло в космос, повстречалось с иным разумом, колонизировало изрядное количество звездных систем и вплотную приблизилось к бессмертию... Но оно все так же требовало хлеба и зрелищ, как во времена Древнего Рима. И первые его представители все так же стремились отнять все у других, не желая трудиться самим. А в рейтинге второй насущной потребности лидировала, безусловно, льющаяся кровь. Разбудивший или, вернее, разморозивший меня Петр оказался самым натуральным расхитителем гробниц. Точнее, оставшихся после Третьей мировой бункеров, однако разница между ними и пирамидами, на взгляд сегодняшнего обывателя, не так уж велика. Петр, отставным солдатом удачи, искавшим по древним подземельям прибавку к пенсии, за-

нимался археологическими изысканиями по заказу, умереть не встать, озабоченной сохранением своего культурного наследия русской мафии. А еще не подвергал сомнению мысль, что без оружия теперь по городам, не важно каким, ходить можно далеко не везде. И утверждал, будто попадаться на глаза власть имущим – это верная примета скорой и страшной смерти.

– Грендвазер говорил, раньше вообще-то нищего было, – рассказывал мне киборг, прикладываясь к фляжке, извлеченной из стоящего в углу комнаты рюкзака. В оный лично я бы, пожалуй, поместился целиком. И еще место осталось бы. Плескалась в емкости, кстати, самая настоящая водка. И она, если верить моим вкусовым рецепторам, за прошедшие века поменялась не сильно. – А с тех пор, как изобрести омолаживающие эффекторы, – продолжал киборг, – все и понеслось. Для высокостатусников открылась пошти вечная лайф, и они вообразили себя рафными деусам. А мы, те, кто воркует на них, оказались пылью. Нет мани на лонг лайф, следовательно, ю черфь. Готом раньше умрешь или тесяти-летеим... Они считают ноу расница. Штрафы за дедлайф им итс уан кредит. Если повесет, пятерка. А у каждого в день по тесятке только на дринк итет...

Дольше всего я соображал, что глагол «воркует» образован от русской транскрипции «ворк», что в переводе на родной этому жуткому перлу английский означает «работа».

– С ума сойти, – высказался я, слегка уяснив происходя-

щее в обществе. – В мои времена, конечно, тоже жизнь была не сахар, но таких перегибов все-таки не допускали. А как же народ это терпит?

– По другим корпорация бесшит, если мошет, – пожал плечами спаситель, уже порядочно надравшийся, судя по изменившейся моторике человеческой части тела. – Но какой это смысл, если везде отинаково? Разве что в коснос улеть, там лушше. Или хуже. Как посмотреть.

И тут меня, что называется, проняло. Сижу черт-те где, черт-те когда, бухаю с киборгом. Подкравшаяся незаметно истерика вылезла наружу в виде хихикания, переросшего в сумасшедший хохот.

– Накрыло, – расплылся в улыбке Петр, к речи которого я начал потихоньку приспосабливаться. – Это нормально, это бывает. Ну а плачешь-то чего?

Мой смех к тому моменту и вправду перерос в какие-то жуткие, даже на взгляд их создателя, завывания. Ну, а как иначе? Документов нет, денег нет, родители и друзья давно истлели вместе с родным государством. А на улице какие-то корпорации, которые вышвыривают старых кибернизированных наемников пинком под зад с мизерным пособием! А его им даже на жизнь и запчасти не хватает, в результате чего приходится батрачить на воистину бессмертную русскую мафию! Ну как тут не расстроиться?

– Да на фига ты меня вообще разморозил? – сквозь всхлипы бросил я и, получив ответ, сразу осознать его не смог.

– Расспросить и усыновить. Дочка у меня одна уже есть, теперь и сын будет, эпоху расцвета нашего народа знающий лучше набитых индюков из всяческих институтов. – Пьяный Петр слегка раскачивался на своем протезе, переступая механическими ногами с места на место. – Уж поверь, если я пер твой саркофаг из Восточной Сибири до Метронома за свой счет, то интерес у меня имеется. И не только финансовый. Хотя, должен признать, полученный за сведения из твоей памяти гранд составил кругленькую сумму. Практически столько же, сколько и сам выходец из такого далекого прошлого мог бы стоять у работоторговцев. Да, не делай большие глаза. Ты такой не одинок, криокамеры могут храниться очень долго. Полазив по сетям, мои друзья без проблем нашли еще десяток жителей прошлого, времен еще до начала Великой Войны. По большей части, они работают экспонатами в музеях. Кто еще спит холодным сном, а кто и вынужден перед публикой кривляться, чтобы его не били и кормили. Правда, они не русские, но большой наценки за подобную графу бы не дали. Скорее уж, наоборот, сочли бы товар второсортным.

– У вас еще и рабство имеется? – мрачно уточнил я, сумевший ухватить в вылившемся на меня потоке информации главное. – Как в древности, с ошейниками? Или продвинутое, с гранатой в организме?

– И так, и сяк, и еще кучей разных способов, – вздохнул Петр. – Только называется это «поражением в правах». Кста-

ти, если назовешь данное явление рабством на публике, будет очень крупный штраф. Но ты не бойся, нам, русским, со своим соотечественником, пусть даже из прошлого, такое проверить никак нельзя. Хотя законом и не запрещается, да обычаи не велят. Землячество, после подобного поступка, того, кто его совершил, в превентивных целях живьем в пластобетон закатает. Ведь сегодня в переплет попал свой по духу, пусть почти чужой по крови, а завтра и один из них рискует со свободой проститься. Поверь, мы найдем, куда и как тебя пристроить, чтобы и себе выгоду получить, и тебе, со всей жизнью впереди, помочь.

– Какая жизнь?! Какое, к дьяволу, усыновление?! – Подобное просто не укладывалось в голове. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда! – Мне почти тридцать лет!

– Да? – поразился киборг. – А я тумал тебя лет в двадцать заморозили... Или вообще в восемнадцать.

– Это с чего еще вдруг? – подозрительно осведомился я. Конечно, скинуть несколько годиков люди согласны, еще начиная со школы, хотя бы для того, чтобы бросить учиться и снова ходить в детский садик, но мой-то истинный возраст подобная цифра и близко не отражала.

– Очень хороший организм, просто супер, – наставительно поднял палец вверх громила. – Врачи долго хвалили. Хуже, чем у выращенного на заказ клона, но для простого человека великолепный. Сердце и другие органы здоровые, не

потравленные всякой наркотой или какой-нибудь другой химией. Крупных патологий нет, не считая механической травмы. Генетическая карта куда выше среднего. Вот они и предложили под подростка замаскировать. Да если хочешь, сам взгляни, вон зеркало.

Я перевел взгляд в указанную сторону и осекся. Там, действительно, был очень хорошо отражающий участок стены. И виднелась в нем кушетка, на которой сидело двое. Киборг, нижняя часть которого была шедевром механики и... пацан. Похожий на меня в молодости.

– Как... – мой голос осекся.

– Чтобы сделать тебе более правдивую легенду, наши врачи немного изменили внешность. В частности, уменьшили рост, частично изъяв костную ткань и мышечную массу, – пожал плечами Петр, имеющий вместо ног механический протез, судя по всему, подключенный прямо к мозгу. А это значимый показатель мастерства местных эскулапов. – В розыске персоны с твоим ДНК нет и не было. Раз так, то можно сделать неотличимые от настоящих документы. Поверь, никто к ним не прицепится, у нас большой опыт. Плюс, тебя порадует хорошая весть. Сейчас относительно недорогая медицина удлинит жизнь и продлевает период, во время которого мы можем считаться трудоспособными. Ненамного. Но однозначно больше того возраста, что ты внешне потерял. Итого, по расчетам специалистов, на своем деле собаку съевших, до серьезных признаков наступления старости

и критического падения функциональности, вследствие возрастных изменений, их пациенту осталось не меньше пятидесяти лет. Если он раньше не помрет и к добрым докторам периодически заходить будет. Везет тебе, мальчик, хе-хе, не по-детски. За четыре века не стухнуть и не превратиться в младенца с пустыми мозгами... Между прочим, после долгого заключения в криокамере так тоже бывает, не удивляйся, если вдруг заметишь дыру в воспоминаниях.

– А это... – пощупав свое лицо, такое непривычное теперь, чуточку невпопад спросил я. – Амнезия обязательна после заморозки? Многого пропадает?

– А кто ее знает? – пожал плечами Петр. – Я не медик, чтобы в тонкостях разбираться. Бывает и полностью накрывается. Но у тебя, если верить обследованию, почти все в порядке, повреждения небольшие и не влияющие на личность. Ну, сынок, пошли домой, будешь знакомиться с сестренкой и мамой. Хватит сидеть, а то еще эскулапы с нас лишние кредиты стрясут за палату. Они, когда похмельные, иногда такими гадюками бывают, а вчера им немало коньяка перепало....

– Подожди, еще один вопрос, – остановил его я. – Ты вроде уже два раза говорил, что мою память смотрели, так? А записать туда новую информацию возможно? А чью-нибудь личность?

– Похоже, ты не так меня понял, – покачал головой киборг. – Память выходца из прошлого, конечно, представля-

ет собой очень ценный объект для исследователя его родной эпохи. Но вот с просмотром ее, как голофильма, или с записью туда нового, к счастью, ничего не получится. Не выдерживают такого люди, с ума тут же сходят. Все по старинке учить приходится. Ну а допрашивать под специальными препаратами, облегчающими ответы на вопросы и делающими их настолько полными и развернутыми, насколько это вообще возможно. Хотя исследования на данном направлении ведут, тут и спору нет. Но их уже чуть не третий век ведут, а прогресса так и нету.

На улице меня ждал шок. Все-таки город будущего, где летают автомобили, а вслед за домохозяйкой может катиться ее сумочка, оборудованная помимо двигателя и багажника видеокамерой, совмещенной с бластером, то еще зрелище. Или это был не бластер, но так похож....

Петр, периодически прикладывающийся к фляжке, был весел. До тех пор, пока мы до дома не добрались. Там киборга, пусть и не такого большого, как мне казалось сначала, но все равно достаточно массивного, принялась избивать скалкой весьма миловидная женщина. Она оказалась его сожительницей и была, мягко говоря, не рада новостям. Впрочем, на мой взгляд, бывшему наемнику сложно было ждать другой реакции от гражданской жены. Ну не после того, как он заявился из рейда со взрослым молодым человеком и представил последнего как своего нового сына. За процессом причинения справедливости и нанесения добра с любо-

пытством наблюдала малявка женского пола, держащая в руке здоровенный леденец.

– Даже не думай, – предостерег ее я, поймав на себе оценивающий взгляд девочки, которая явно хотела последовать примеру мамы. – За косичку дерну!

– Бяка, – обиделась она.

«Очуметь, – подумал я, прислушиваясь к звукам скандала, который сместился в соседнюю комнату. – Я в будущем. Я почти ребенок. И, кажется, мне скоро предстоит идти в школу. Снова».

Глава 3

– Ну и что дальше? – спросил я своего «отца» на следующий день после выпуска. – Помнится, ты хотел о чем-то поговорить. И, полагаю, тема разговора будет прямо сопряжена с возможностью отдать беспроцентный кредит. Тот самый, который ты мне, если верить документам, предоставил сразу же, как только вытащил из саркофага, где вырастили тело приемного сына.

– Есть такое, – согласно кивнул Петр, пропустив мимо ушей немного завуалированное обвинение в закабалении. Впрочем, на этот счет мне особенно переживать не приходилось. Условия были заявлены там более чем приемлемые. За возможность обрести вторую жизнь и даже хорошо к ней подготовиться без всякого принуждения согласился бы и на куда худший контракт. Да и киборг со своим семейством относился к выходцу из прошлого не как к наемному рабочему и выгодному вложению денег, а как к настоящему родственнику. Не отплатить ему по счету, а также и вообще стало бы черной неблагодарностью. А ее проявлять мешала как мораль и Социальная Служба, по первой же заявке готовая разобрать должника на органы для дальнейшей продажи, так и русская мафия, частью которой являлся «отец». У нее были действительно длинные руки и хорошая память. Впрочем, кроме самого Петра, правду о происхождении одного

внешне молодого человека знала лишь парочка врачей, возможно, уже давно ее забывших. Или даже умерших. Во всяком случае, приходилось слышать про один штурм подпольного госпиталя, устроенный объединением уличных банд, развязавших войну со своими более цивилизованными конкурентами. Да и вообще у представителей организованной преступной группировки жизнь опасная. – Собственно, теперь ты готовый специалист. И у тебя есть два основных пути дальнейшего построения карьеры. Первый – поступить на биржу труда...

– Кабала на десять лет минимум, – хмыкнул я. – А расплата с тобой удлинит срок выплат еще раза в три. Лучшие условия там найти невозможно в принципе. Хорошее место работы можно получить только по знакомству.

– Рад, что ты это понимаешь и сам озвучил второй вариант, – кивнул бывший наемник. – Как ты знаешь, у меня со времен службы остались довольно-таки многочисленные связи среди разных людей. Семью в это дело лучше не привлекать. Прогнила она за последние годы и стала едва ли не такой же корпорацией, как все остальные. Ну, может, чуть более лояльной к своим работникам и с жесткими принципами набора кадров. А поскольку информация о твоём истинном происхождении в её архивах где-то все же лежит, путь туда закрыт. Если надо будет, все документы найдут и правду выяснят. Следовательно, на хорошую карьеру рассчитывать не стоит. Чужака никогда не выдвинут дальше рядово-

го бойца. Ну, максимум за хорошие заслуги могут поставить командиром отделения из пятерки бесперспективных охламонов. Да еще и о своем желании отправиться в космос, подальше от Социальной Службы и ее законов, ты успел все уши прожужжать. Мы начали говорить о нем сразу после того, как кое-кто научился это делать по-современному. Прогнорировать столь тонкий намек оказалось сложно, а потому я уже давно начал перебирать всех своих знакомых в поисках того, кто мог бы с этим помочь.

– И получилось? – Не знаю, чего было больше в вырвавшемся изо рта помимо воли вопроса. То ли недоверия, то ли надежды. – Да, когда ты меня только разморозил, то договорился в частной и полуподпольной клинике насчет необычного пациента с врачами.

А потом еще и сделал мне комплект документов... Но эти услуги, с гарантией успеха процентов в шестьдесят может позволить любой дурак, имеющий примерно тысяч десять кредитов. Связи же, позволяющие выпихнуть кого-нибудь не просто в удаленную колонию, уже совсем другой уровень.

– Верно, – кивнул киборг, переступив с места на место механическими конечностями. – Мне, правда, удовольствие твоего усыновления обошлось всего в восемь сотен. Ну, благодаря связям и занимаемой в семье должности, оплатил работу специалистов по себестоимости. Но, в принципе, ты прав, никаких особых преимуществ, кроме уменьшения оплаты, тогда не имелось. Сейчас же совсем другое де-

ло. Один из солдат, которыми я когда-то командовал, хочется верить, делал это совсем неплохо, и пользовался уважением подчиненных, в общем, бывший рядовой боец Олег сейчас достиг официального статуса L. Официального! Фактически же занимает куда более влиятельное положение в обществе. Он является одним из высокопоставленных работников корпорации «Звездный камень». С Семей же у него отношения практически такие же, как сейчас у тебя, то есть дружественный нейтралитет и невозможность карьеры. Дед вроде бы у парня в исполнители социков подался и, в числе прочих, нескольких наших тоже прижал. Потому карьера среди соотечественников Олегу не светит. Он лишь выделяет на счета подставных компаний время от времени пару процентов своего дохода, чтобы пользоваться минимальной поддержкой землячества и доступом к некоторым специфическим услугам. Черный рынок оборудования там, особые специалисты, поиск нужных людей, но ничего больше. Впрочем, не сильно-то русская мафия и поможет в дальнем космосе, мы больше в пределах Солнечной Системы да наиболее развитых колониях устраиваемся. И, соответственно, там же приобретаем рычаги влияния.

– Шахтеры, – констатировал я, анализируя услышанное. – Судя по всему, межпланетные, работающие где-нибудь за территориями обжитого и зарезервированного для нужд корпораций пространства. И им понадобился спец по гидропонике?

– Они живые люди и хотят кушать, причем не только разбавленные водичкой концентраты, – пожал плечами Петр. – К тому же Олегу нужен не столько техник, сколько... свой человек. Я говорил с ним полгода назад, и он довольно сильно жаловался на то, что его подконтрольный персонал позволяет себе слишком много вольностей.

– Быть шпиком? – поморщился я. – Не слишком-то хорошая перспектива, скажем прямо. Но лучшей ведь нет?

– Нет, – согласно кивнул «отец». – Зато худших полно. Имеются и варианты, где шпионить не надо, только честно тянуть солдатскую лямку. Быстрый карьерный рост обеспечен высокими потерями среди наемников. Короче, могу пристроить тебя в ряды рекрутов отряда «Головорезов Ретруна». Тоже гарантированный билет подальше с планеты, но в этом отряде среди новобранцев смертность около семидесяти процентов. А у тебя начальная подготовка на уровне...

– На уровне, который может быть у воспитанника отставного солдата удачи, – хмыкнул я. – Благодаря твоим урокам, а также дружеским советам по их проведению от Валеры и других наших соседей меня теперь можно в одиночку на маленькие шайки уличных бандитов натравливать. Теперь, наверное, пройду отбор не только в банду наемников, но и в отряд телохранителей главы какой-нибудь третьеразрядной корпорации.

– Вот только тебя туда не примут, – хмыкнул Петр. – На такую работу берут лишь родственников, кровно заинтере-

сованных в благополучии «объекта». Но кое в чем ты прав, мы с женой хорошо тренировали свое долгосрочное вложение.

Я согласно хмыкнул, вспомнив немного то, чему учил меня ветеран. Обращение со стрелковым ручным оружием и умение правильно держать, втыкать и метать ножи – это, право, такие мелочи. Минно-взрывное дело, вождение любой техники, в том числе и боевых роботов, стрельба из бортовых излучателей, основы тактики и теория, слава богу, почти без практики, экспресс-допроса пленных, как вам такое? Иногда был резко против настолько насыщенной программы. Особенно в самом начале своей новой жизни, когда от долгих тренировок иногда болело ВСЕ! Но, увы, чета бывших наемников оказалась непреклонна. Своих приемных детей она рассматривала как лотерейный билет в обеспеченную старость и последнюю надежду на возможность заполучить новую молодость. А для этого воспитанники должны были сделать то, чего в свое время не удалось добиться им самим. Повысить себе статус до крайне высокой отметки. И мне еще повезло. То, чему учила мелкую «мама», заставило бы впасть в поголовную истерику средних размеров комитет защиты детей. Если бы они еще существовали, конечно. Сейчас, увы, на жизни подрастающего поколения общественности плевать, и воспитание потомства – личное дело родителей. Пожалуй, тем, на ком сестренка начнет нарабатывать практические материалы через пару лет, сильно по-

везет, если она не разобьет им сердце. Или не свернет шею, случайно поскользнувшись в какой-нибудь хитрой позе. А может, и поскользнувшись специально.

Путевки в космос пришлось ждать довольно долго. Ради одного волонтера, если, конечно, он не спец экстра-класса, никто специально посылать корабль не будет. Время после выпуска тянулось мучительно долго. Спалось плохо. Постоянно снилась какая-то катавасия со мной в главной роли, драки, погони, взрывы, в общем полная погань. Будний день тоже радости не приносил. Без привычных нагрузок от учебы стало как-то... пусто. Физические упражнения помогали слабо. Однажды ночью, проснувшись в половине четвертого утра, злой и заранее морально уставший в ожидании наполненного серой мути времени, я поймал себя на мысли о том, что всерьез рассматриваю возможность провести рейд в трущобы. Ну, просто чтобы размяться и при удаче стрясти с кого-нибудь немного добычи. А в случае провала самому стать трофеем и уж точно позабыть про все выматывающие душу тревоги.

– Нет, такого экстрима нам не надо, – даже передернулся я, кое-как почистив себе мозги, начинающие толкать остальное тело на всякие глупости. Верным средством вернуть организм в норму послужили три чашки дешевого синтетического кофе. – Лучше по девкам пойти. Хм, но денег нет. А вообще что-то гормоны у меня разбушевались, интересно, с чего? Вроде не мальчик давно уже. Лет четыреста с хвостиком.

ком, если хронологически.

Еще немного помучившись неопределенностью и бездельем, заставляющими буквально лезть на стену, я наконец нашел решение своих проблем. Арены бойцовых клубов, где велись вполне официальные поединки между желающими немного попрыгать, побегать и пострелять. А также заплатить за вход хозяевам денюжку малую. Данные заведения смогли бы стать отличным полигоном для подготовки к своей будущей жизни на фронтире людской расы, где палили много, часто и прицельно. Полученное у приемных родителей обучение делало из меня вполне реального претендента на победу в каких-нибудь соревнованиях или турнирах низшего эшелона. А может, и среднего, но тогда только для чистых. В общем, тех, куда не допускают опытных бойцов высшей лиги или измененных, имеющих слишком уж большие преимущества перед остальными участниками.

Защитное снаряжение и учебное оружие делали шансы отправиться на тот свет там не большими, чем во время обычной тренировки, где тоже можно поскользнуться и раскроить голову об неудачно подвернувшийся угол. Нет, имелись, конечно, в Метрономе и места для поединков на смерть, причем вполне легальные, но туда, по моему скромному мнению, нормальный человек в здравом уме и твердой памяти никогда не сунется. Хорошо показавших себя бойцов арены частенько брали на заметку банды и корпорации, способные подставить потенциального сотрудника, чтобы затем

героически его спасти и привязать к себе накрепко. Но, с вероятностью в девяносто девять процентов, я смоюсь с планеты раньше, чем дойдет до подобного развития событий, даже если кому-нибудь и приглянусь. В конце-то концов, на звание лучшего бойца тысячелетия или хотя бы нашего города обычному человеку, без генетических или кибернетических улучшений, рассчитывать нечего.

Первые пять боев на выбранной для убивания арене были проиграны мною с треском. Только потом я стал смотреться на фоне остальных сначала середнячком, а потом и постепенно выбиваться в число лучших. Все же реальное оружие, с которым меня учили обращаться, несколько отличалось от его тренировочных собратьев. Оные по сути были даже не лазерами, а просто фонариками-переростками. Хорошо хоть местность не была знакома соперникам. Ради большей зрелищности и напряженности боя устроители схваток почти всегда выбирали наиболее приближенные к реальности ландшафты, например аналоги корабельных палуб или на худой конец лабиринты подземных туннелей и офисных зданий. И каждый раз их генерировали заново.

Лишь когда развлекающиеся бойцы, мнящие себя стреляными воробьями, начали выбывать из строя по двое и трое, если схватывались со мной, наглости хватило подать заявку на участие в крупном многогранговом турнире. Победителю, который останется только один, достанется половина собранных администрацией с участников сумм. А поскольку

желающих принять участие в данном мероприятии насчиталось почти с полсотни, и каждый должен был выложить по сорок кредитов, сумма набиралась внушительная. И до появления звездолета второго такого мероприятия в Метрономе, скорее всего, не предвидится.

В день икс я, собрав требуемую сумму, отправился на регистрацию. Хотел еще ставку на себя сделать, чтобы побольше получить в случае победы, но, увы, свободных денежных средств просто не осталось. А занимать их показалось неблагоразумным, все же шансы на проигрыш имелись, причем более чем значительные. Кто знает, вдруг случайно забредет какой-нибудь залетный боец, на голову превосходящий всех, кого я уже видел в этом месте. Ну и про абсолютно непредсказуемый фактор удачи тоже забывать не стоит. Началом турнира должны были послужить групповые схватки, по итогам которых набравших наибольшее количество очков и умудрившихся не подставиться под вражеский выстрел будут переводить в следующие туры. Постепенно их количество начнет сокращаться, с каждым раундом все медленнее. По жеребьевке мне предстояло отправиться в одну из четырех созданных команд, для лучшей идентификации снабженных защитной броней разных цветов. Последняя не столько противодействовала повреждениям, сколько реагировала на засветку условным лазером. Как назло нам достался красный цвет, который из-за обильной вытертости и облупленности снаряжения общего пользования можно было

легко перепутать с зеленым. И из-за этого подпустить врага слишком близко. Впрочем, обратное тоже верно, а обладатели синих и желтых лат подобного преимущества не имеют.

— Слушать сюда, народ! — важно прохаживался перед неровным строем сокомандников инструктор, подозрительно напоминающий моего приемного отца. Такой же цепкий внимательный взгляд, обманчивая мягкость и неторопливость движений, большие габариты, выдающие потребление в молодости стероидов. Их вообще принимают практически все наемники, солдаты и даже большая часть бандитов. Ну и еще механический протез вместо ног. У этого типа, впрочем, он был чуть похуже, пусть и куда более новой модели. Кроме того, имплантат позволял сохранить антропоморфный облик, в общем и целом повторяя родные конечности. Наверное, объяснялось это тем, что если Петра располосовало по пояс, то данному бойцу нижние конечности срезали чуть выше коленей. — Правила вы все знаете. Или думаете, будто знаете, раз галочку в документах поставили. Но напомню основные принципы еще раз. Драться с использованием любых подручных или отобранных у противника средств можно. Рукопашка тоже не исключена, если найдется идиот, готовый с кулаками переть на лазер. Но повторяю, вся арена до самого темного угла просматривается насквозь! Того, кто попытается действительно прикончить противника, мы немедленно расстреляем! Если он, конечно, не предъявит свидетельство статуса, заставляющего наше непосредственное начальство,

господина Одриго Домизе, заработавшего свой ранг кровью врагов Метронома, поджать хвост и молчать в тряпочку. То же самое относится и к применению настоящего оружия! Ну, вроде все, вперед и пусть победит сильнейший!

Открылась дверь, ведущая в арену спортивного комплекса. Площадка здесь имелась всего одна, но благодаря выдвигающимся перегородкам, силовым полям и непрозрачным голограммам, перекрывающим полет лучей лазера, обладала изменяемой геометрией и могла становиться практически любой территорией. Так, сейчас перед нами пара коротких коридорчиков, изгибающихся перед прямыми углами, а дальше может быть все, что угодно, включая и абсолютно пустое пространство. Тактику на нем, разумеется, не продемонстрировать, так же, как стратегию, но вот быстро сократить число претендентов на победу подобная местность точно сумеет... Блин! Накаркал!

Когда четыре одинаковые по численному составу группы, с разницей лишь в несколько секунд, оказались на длинном овальном поле, то в большинстве своем растерялись. И даже не сразу открыли огонь. Этой лишней парочки секунд мне хватило, чтобы переместиться из середины нашей неорганизованной толпы куда-то в конец, отталкивая сокомандников в стороны и создавая из их тел перед собою живой щит. Да, подло. Да, неспортивно. Но я их всех вижу в первый и, скорее всего, в последний раз. В общем, можно действовать почти так же, как на войне, то есть всеми силами пытаться со-

хранить себе жизнь и одержать победу. Те, кто действует в обратном порядке, становятся либо трупами, либо героями. Но последнее звание, полученное посмертно, вряд ли сумеет согреть душу.

Засверкали вспышки выстрелов и ругань тех, кто внезапно обнаружил себя раненым, а то и убитым. Последние стремительно ложились на землю и с относительным смирением изображали из себя трупы, не желая подвергаться штрафным санкциям. Наше оружие являлось копией легких лазерных винтовок, обладающих высокой пробивной способностью и дальностью стрельбы. В помещениях и учениях, понятное дело, качествами почти не нужными. Ну а точность у летящего со скоростью света луча всегда стопроцентная, главное – целиться именно туда, куда хочешь попасть, а не в место рядом. Промахнуться можно, только если излучателю больше лет, чем стрелку, а последний ремонт его проводился аккуратно в начале позапрошлого года. Стрелять очередями такое средство ведения боя не могло, равно как не обладало встроенным гранатометом. Да нам вообще условной взрывчатки не дали, и теперь понятно, почему. Ею бы почти весь контингент сражающихся оказался выведен из строя почти моментально, слишком уж кучно мы стояли и лежали. Броня же имитировала штурмовой экзоскелет, способный сдерживать пару-тройку попаданий и только потом выбыть из строя вместе со своим прожаренным владельцем. Хотя, это смотря куда целиться...

Рассуждения не слишком мешали мне залечь позади рассыпающегося и тающего на глазах строя своих сокомандников, лениво постреливая куда-то в сторону противника. Куда больше внимания уделялось регулярным перекатам с места на место, чтобы затруднить превращение себя в мишень. Время и математика работали на моей стороне. Три чужих отряда боролись не только с нами, но и один с другим, а значит, просто по закону больших чисел, выбьют больше вражеских целей, чем даже самый лучший и опытный стрелок. Впрочем, неплохо и помочь им в столь благородном деле. Упускать тех, кто чисто случайно попадет в прицел, никто не собирается.

После тридцати секунд беспорядочной перестрелки, уже скосившей три четверти бойцов, доспехи громко пискнули, а затем через секунду повторили свои действия. Я с заметным неудовольствием отметил тот факт, что оказался кем-то выбран на роль эксклюзивной мишени. Во всяком случае, два выстрела подряд, к счастью, пришедшихся в очень хорошо защищенный торс и потому не нанесших особого урона, случайным стечением обстоятельств быть вряд ли могли. Пришлось поспешно вскакивать на ноги и, перемещаясь рваными зигзагами, чтобы сбить прицел, закружить по всей площадке. Одновременно я крутил головой во все стороны и пытался обнаружить меткого стрелка, которому больше делать нечего, кроме как пытаться лишить выходца из прошлого шансов на капельку славы, с давних времен присущей по-

бедителям турниров. Хотя черт с ней, со славой, а вот денежный приз, полагающийся в комплекте, интересует уже куда больше.

Желтые и синие, видимо, под влиянием стихийно возникших лидеров, обратили внимание друг на друга и сначала сблизились, обмениваясь пальбой, а теперь и вовсе сошлись врукопашную. Приемы бокса и вульгарной кабацкой драки смешивались с ударами прикладов и элементами каких-то восточных единоборств. Парочка особо выдающихся бойцов и вовсе замерла в неустойчивом борцовском захвате, стараясь переселить противника. Идиоты. Еще с изобретением револьверов подобные ухищрения резко стали терять в своей нужности и эффективности. А уж сейчас, в эру космических боев и всеобщего рационализма, заниматься подобными глупостями даже на спортивной арене бессмысленно, что доказала какая-то деваха с татуированным лбом, пристрелив по очереди их обоих практически в упор. Зеленые и красные, куда входил и я, перестреливались друг с другом, временами позволяя себе ради удовольствия почти безнаказанно переносить огонь на сцепившиеся команды. Причем удача улыбнулась моим сокомандникам, и наша численность пока оставалась наивысшей. Выстрелив в шлем развернувшегося к собачьей свалке противнику, я был неприятно удивлен сигналом защитного снаряжения. Длинный непрерывный писк призывал опуститься на пол и притвориться мертвым. Все. Убили рядового бойца, пусть и условно. В боль-

шом конфликте пушечное мясо долго не живет, как бы оно ни вертелось и ни крутилось. Интересно все же, кто это сделал? Тот же самый тип, выцеливавший лежащего противника, или случайный снайпер? Впрочем, нет разницы, и теперь остается лишь надеяться, что моя команда наберет достаточно очков, чтобы пройти дальше.

К счастью, так и получилось. А вот к несчастью, пока этот раунд турнира подошел к концу, мне успели наступить на руку. И ладно бы какая-нибудь изящная девушка вскользя задела тувфелькой плечо, позволив взглядом снизу по достоинству оценить ее ножку и то, что выше. Нет. Какой-то мутантный слонопотам прямо по пальцам прошелся рифленным ботинком. Хорошо хоть не сломал, а боль можно стерпеть. Плюс Петр учил меня более-менее сносно владеть обеими руками, хотя и остался я все-таки скорее правой.

Второй раунд, последовавший после подведения итогов первого, начался практически так же, как первый. Четыре команды, цветная униформа, замкнутый одноярусный полигон. Только теперь нас было с каждой стороны лишь по пять человек. А носились мы по моментально перестраиваемому лабиринту, изображавшему то ли недра разрушенного бомбардировкой завода, то ли обжитую бомжами свалку технического мусора.

— Так, ты, с важной мордой, идешь передовым дозором, — тут же начал командовать тип средних лет, судя по малозаметным шрамам на лице где-то посеченный то ли осколками

стекла, то ли чем-то подобным. А слишком отчетливо различимые прожилки в его глазах намекали на использование какого-то препарата. Видимо, мужик серьезно настроился на победу, а допинг-контроль на соревнованиях такого уровня не проводится. Да и вообще стимуляторы, практически любые, сейчас вполне разрешенный товар. Эту чистую дурь, кроме кайфа, зависимости и болезней, абсолютно ничего не дающую, соики искореняют в меру сил и желания трудиться. Не слишком активного желания, честно говоря. – Ну чего встал, тебе говорю! Да, тебе, тебе, придурок! Или хочешь в учебном бою реальным некомбатантом стать? Так быстро руки-ноги переломаю, потом лишь снаряды к орудиям подтаскивать сможешь! Зубами!

– Иду, уже иду, – понять, что обращаются ко мне, удалось не сразу. С важной мордой... ну надо же! Никогда за собой такого не замечал. Нарываться на драку с типом, закинувшимся боевым наркотиком, смысла просто не имелось. В отличие от некоторых шансов на победу. Все же подобные вещества, как бы ни изгалялись химики, не могли не иметь отдельных отрицательных эффектов и ни в коем разе не превращали человека в неуязвимую машину смерти. Они лишь несколько расширяли его возможности. Пострадать самому или привлечь к себе внимание противников за время драки означало проиграть, и потому оревуар! Передовой дозор уходит вперед и не возвращается. На турнире мне бояться нечего, а после... Из-за такой мелочи в квартал, где прожи-

вает очень много русских вообще и русской мафии в частности, посторонний не сунется. Кроме того, своих личных данных я никому не оставлял, а Метроном большой, не говоря уж о планете, с которой скоро уберусь. Пусть ищет потом по всему ареалу обитания человечества. Или сейчас по всему полигону, благо его устроители создали прямо-таки настоящий лабиринт с кучей тупичков, тайников и укромных уголков. В общем, прятаться было где. Именно подобный маневр принес мне победу. Умудрившись схорониться в укромном уголке между двух выдвижных плит и держа под прицелом единственный вход в убежище, я банально пересидел всех врагов. Алгоритм действий был прост, как металлический лом. Выстрел, затащить слабо дергающийся и громко ругающийся условный труп к себе, убедить его молчать, караулить следующую жертву. Умудрился снять таким образом четверых, прежде чем раунд завершился победой красной команды. На ногах остались лишь я да еще один боец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.